

Нравственные императивы в праве

2010
№ 2 (8)

Научный юридический журнал (г. Москва)

Учредитель

РОО «Институт государственно-
конфессиональных отношений и права»

Ответственный редактор

Кузнецов М.Н., доктор юридических
наук, профессор

Технический редактор выпуска

Епанчина М.П.

Редакционный совет:

Кузнецов М.Н., доктор юридических
наук, профессор,

Понкин И.В., доктор юридических наук,
директор Института государственно-
конфессиональных отношений и права,

Емелина Л.А., кандидат юридических
наук, доцент кафедры гражданско-
правовых дисциплин юридического
факультета им. М.М. Сперанского
Академии народного хозяйства при
Правительстве РФ, доцент,

Коровина Ю.В., кандидат юридических
наук

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Нравственные императивы в праве» обязательна.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

Редакция присланные рукописи не рецензирует и не возвращает, в переписку не вступает.

Контактный адрес электронной почты технической службы:

f5s1@yandex.ru

Дизайн обложки: Д.И. Понкин.

Контактный почтовый адрес технической службы:

строго – «117525, Москва, а/я 49, Понкину И.В.»

Содержание номера

Актуальные проблемы

Хашем Т.А. Понятие, свойства, аспекты и структура человеческого достоинства, его субъективная и объективная стороны..... 4

Понкин И.В., Кузнецов М.Н., Гребнев Л.С. О новом федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования, утвержденном приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 6 октября 2009 г. № 373 22

Понкин И.В. Краткий обзор ситуации вокруг противоправной деятельности телеканала «2x2»..... 44

Обсуждение идей

Наринян Л.М. Налоговая ответственность несовершеннолетних 51

Ежов Д.С. История развития патентного законодательства Китайской Народной Республики 56

Авимская О.В. Медиация как процедура: этапы разрешения спора 62

Атабиева А.А. Применение принципов и реализация норм налогового права в практике Конституционного Суда Российской Федерации 76

Федоровская М.Ю. Нравственные основы теории правового государства 82

Рецензии

Марчук Н.Н. Создать условия для искусства виноделия. Рецензия на книгу В.А. Берзина «Концепция проекта федерального закона “О винодельческом виноградарстве, производстве и обороте винодельческой продукции”» (М., 2010. – 114 с.) 86

Хашем Т.А. Понятие, свойства, аспекты и структура человеческого достоинства, его субъективная и объективная стороны¹

Идеей человеческого достоинства² пронизана вся правовая система регулирования общественных отношений в современном демократическом обществе. Эта идея отражается в системе законодательства, порядке деятельности государственных органов, находит наиболее полное выражение в содержании правового института охраны и защиты человеческого достоинства. Причем каждая структурная часть правовой системы Российской Федерации отражает императив обеспечения достоинства личности как один из основополагающих принципов правовой системы, высочайшую нравственно-правовую ценность³ и цель функционирования государства.

В юридической науке вопросы признания, охраны и защиты достоинства личности участников уголовного судопроизводства хотя и рассматривались во многих работах, однако им уделялось внимание лишь поверхностно, в более общем контексте, либо они затрагивались по иным, смежным, тематическим направлениям правовых исследований, поэтому указанные вопросы следует оценить как недостаточно исследованные.

---

¹ **Хашем Татьяна Анатольевна** – старший преподаватель и соискатель кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Российского университета дружбы народов.

Статья посвящена исследованию важнейшей ценностной основы правоохранительной деятельности государства – понятию «человеческое достоинство». В статье подробно исследованы и описаны содержание понятия, свойства, аспекты и структура человеческого достоинства, субъективная и объективная стороны этого правового феномена.

Ключевые слова: достоинство личности, человеческое достоинство, честь.

The paper suggests an essential basis of values for state law enforcement – the notion of «human dignity». The author has studied in detail and described the contents of concepts, properties, dimensions and structure of human dignity, the subjective and objective side of this legal phenomenon.

Key words: dignity, human dignity, honor.

² Здесь и далее понятия «человеческое достоинство» и «достоинство личности» в рамках выстраиваемой в настоящем исследовании авторской концепции считаем полностью идентичными по содержанию, синонимичными (отличая при этом от понятия «достоинство личности» понятие «индивидуальное личностное достоинство»). – Прим. авт.

³ Общая теория государства и права: В 2 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. – Т. 1. Теория государства. – М.: Зерцало, 1998. – С. 312.

Из современных российских авторов вопросы содержания, охраны и защиты чести, достоинства личности и деловой репутации были исследованы учеными-правоведами **в области общей теории права, юридической лингвистики, конституционного права** – П.В. Анисимовым⁴, Ю.А. Бельчиковым⁵, А.Н. Володиной⁶, М.В. Горбаневским⁷, В.Б. Гулиевым и Ф.М. Рудинским⁸, Д.И. Гуциным⁹, Ю.А. Дмитриевым¹⁰, О.А. Кулиушем¹¹, Г.В. Мальцевым, В.В. Невинским¹², М.А. Паладьевым¹³, И.В. Понкиным¹⁴, С.В. Потапенко¹⁵, А.Р. Ратиновым¹⁶,

⁴ Анисимов П.В. Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики. – М., 2006.

⁵ Бельчиков Ю.А. Понятия чести, достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. – М., 1997.

⁶ Володина А.Н. Применение судами ст. 10 Европейской конвенции и принципов, выработанных Европейским Судом по правам человека при рассмотрении дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц // Российская юстиция. – 2006. – № 10.

⁷ Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. – М.: Медия, 2004. – 328 с.

⁸ Гулиев В.Б., Рудинский Ф.М. Демократия и достоинство личности. – М., 1983.

⁹ Гуцин Д.И. Юридическая ответственность за моральный вред. – СПб., 2002.

¹⁰ Дмитриев Ю.А. Право человека на достойную жизнь как конституционно-правовая категория // Конституционный строй России. – М., 1996. – Вып. 3.

¹¹ Кулиуш О.А. Честь, достоинство и деловая репутация – фундамент правового государства. – М., 2008.

¹² Конституционное право России: Учебник / Отв. ред. А.Н. Кокотов и М.И. Кукушкин. – М., 2010. (См. главу 6).

¹³ Паладьев М.А. Конституционное право человека на честь и достоинство (основания, содержание, защита): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.

¹⁴ Понкин И.В. Язык ненависти и вражды в публикациях журналиста газеты «Московский комсомолец» Сергея Бычкова. – М., 2007. – 222 с.; Понкин И.В. Дисфорическая ненависть журналиста газеты «Московский комсомолец» Сергея Бычкова к Русской Православной Церкви. – М., 2008. – 248 с.; Понкин И.В. Экстремизм: правовая суть явления. – М., 2008. – 57 с.; Понкин И.В. Оценка книги Д. Брауна «Код да Винчи» и снятого на ее основе одноименного фильма // Гражданско-правовая, конституционно-правовая и уголовно-правовая охрана нравственности: Сб. – М., 2009. – 704 с. – С. 114–117; Понкин И.В., Соловьев А.Ю., Екжанова Е.А., Силяева Е.Г., Мельков А.С. Заключение от 18.08.2008 по содержанию анимационного фильма «Рождественские песенки от мистера Говняшки» из сериала «Южный парк» // Гражданско-правовая, конституционно-правовая и уголовно-правовая охрана нравственности: Сб. – М., 2009. – 704 с. – С. 61–75; Заключение д.ю.н. И.В. Понкина от 24.11.2008 по содержанию анимационного сериала «Папский городок» // Духовные рейдеры. Преступная деятельность телепрограммы «Телеканал “2x2” Москва»: Сб. – М., 2008. – 189 с. – С. 34–72; Понкин И.В. Заключение от 21.08.2006 по содержанию и направленности вероучения и деятельности религиозного объединения «Фалуныгун» (последователей Ли Хунчжи) // Фалуныгун – культ ненависти: Сб. – М., 2008. – С. 10–50, и др.

А.К. Симоновым¹⁷, А.В. Стремоуховым¹⁸; О.И. Цыбулевской¹⁹,
Т.Б. Шубиной²⁰;

в области гражданского права – А.Л. Анисимовым²¹,
С.А. Беляцкиным²², В. Быковым²³, А.А. Власовым²⁴, М.В. Дулясовой²⁵,
Н.В. Кривошековым²⁶, Н.М. Кузнецовым²⁷, С.В. Марченко²⁸,
Н.Ю. Никуличевой²⁹, Г.М. Резником³⁰, Т.В. Трофимовой³¹,
А.М. Эрделевским³²;

¹⁵ Потапенко С.В. Проблемы судебной защиты от диффамации в СМИ: Автореф. дис. ... докт. юридич. наук: 12.00.03. – Краснодар, 2002. – 44 с.

¹⁶ Ратинов А.Р. Масс-медиа в России. Законы, конфликты, правонарушения: (По данным мониторинга Фонда защиты гласности), 1996–1997. – М., 1998.

¹⁷ Симонов А.К. Честь, достоинство и репутация: журналистика и юриспруденция в конфликте. Результаты исслед. и материалы конференции. – М., 1998.

¹⁸ Стремоухов А.В. Человек и его правовая защита: теоретические проблемы. – СПб., 1996.

¹⁹ Цыбулевская О.И., Власова О.В. Достоинство личности и гражданское общество. – Саратов, 2008.

²⁰ Шубина Т.Б. Теоретические проблемы защиты права: Автореф. дис. ... канд. юридич. наук. – Саратов, 1998.

²¹ Анисимов А.Л. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита. – М., 1994; Анисимов А.Л. Честь, достоинство, деловая репутация под защитой закона. – М., 2006.

²² Беляцкин С.А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. – М., 1997.

²³ Быков В. Компенсация морального вреда не может восстановить доброе имя // Российская юстиция. – 2002. – № 4.

²⁴ Власов А.А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации: Автореф. дис. ... докт. юридич. наук. – М., 2000; Власов А.А. Деятельность адвоката в суде по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. – М.: Юрист, 2006. – 207 с.

²⁵ Дулясова М.В. Социальная защита работника: жизнь, здоровье, деловая репутация: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М., 2008.

²⁶ Кривошеков Н.В. Компенсация морального вреда: некоторые аспекты // Юрист. – 2005. – № 4.

²⁷ Кузнецов Н.М. Содержание отношений по защите чести, достоинства и деловой репутации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / РУДН. – М., 2009.

²⁸ Марченко С.В. Компенсация морального вреда в Российской Федерации // Адвокатская практика. – 2002. – № 6.

²⁹ Никуличева Н.Ю. Право юридических лиц на деловую репутацию и его гражданско-правовая защита. – Новосибирск, 2005.

³⁰ Резник Г.М. Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ / Г.И. Резник, К.И. Скловский. – М., 2006.

³¹ Трофимова Т.В. Классификация нематериальных благ и её правовое значение // Гражданское право. – 2005. – № 3.

³² Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. – 3-е изд., исправл. и дополн. – М., 2007.

в области уголовного права – Э.С. Абдуллаевой³³, Ю.В. Ганжа³⁴, Л.Л. Мартыновой³⁵, Е.О. Рыбиной³⁶, К.А. Шахманаевым³⁷ и др.

Вместе с тем, в юридической науке были недостаточно исследованы вопросы уважения, охраны и защиты достоинства личности в уголовном процессе. Эти вопросы получили лишь фрагментарное освещение. Так, достоинство личности как основа соблюдения законности в уголовном процессе было исследовано в работах В. Бережко, В.Г. Беспалько³⁸, В.Н. Бусловского³⁹, М.П. Гадырки⁴⁰, Т.З. Зиннатуллина и А.Ф. Закирова⁴¹, В.О. Лапина⁴², Москальковой Т.Н.⁴³, Н.Н. Сенякина⁴⁴, А. Ратинова и Ю. Зархина⁴⁵.

Из современных зарубежных авторов, исследующих вопросы охраны и защиты человеческого достоинства, в том числе в

³³ Абдуллаева Э.С. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: Уголовно-правовой и криминологический анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Махачкала, 2004.

³⁴ Ганжа Ю.В. Преступления против чести и достоинства личности: Уголовно-правовая и криминологическая характеристика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Краснодар, 2007. – 24 с.; Ганжа Ю.В. Ответственность за преступления против чести и достоинства личности по законодательству середины XIX – начала XX века // История государства и права. – 2006. – № 11; и др.

³⁵ Мартынова Л.Л. Уголовно-правовые аспекты возбуждения ненависти, вражды и унижения человеческого достоинства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Краснодарская академия МВД России (Краснодарский юридический институт МВД РФ). – Краснодар, 2006.

³⁶ Рыбина Е.О. Уголовно-правовая защита чести, достоинства и репутации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2009. – 26 с.

³⁷ Шахманаев К.А. Уголовно-правовая защита чести и достоинства личности: Уголовно-правовой и криминологический анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2009. – 26 с.

³⁸ Беспалько В.Г. Уголовная ответственность за посягательства на жизнь, здоровье, честь, достоинство и имущество сотрудников таможенных органов: Учеб. пособие по дисциплине «Уголовное право». – М., 2004.

³⁹ Бусловский В.Н. Методика профилактики и предупреждения преступлений, связанных с посягательством военнослужащих на жизнь, здоровье, честь и достоинство сослуживцев. – М., 2006.

⁴⁰ Гадырка М.П. Посягательства на честь и достоинство личности (Уголовно-правовой аспект). – Кишинев, 1984.

⁴¹ Зиннатуллин Т.З., Закиров А.Ф. Уважение чести и достоинства личности. – Ижевск: Детектив-информ, 2005. – 144 с.

⁴² Лапин В.О. Расследование посягательств на жизнь, здоровье, честь, достоинство и имущество лиц, выявляющих и расследующих налоговые правонарушения. – М., 2006.

⁴³ Москалькова Т.Н. Честь и достоинство: как их защитить? (Уголовно-процессуальный аспект): Учебное пособие. – М., 1992.

⁴⁴ Сенякин Н.Н. Нравственные основы уголовного правосудия в Российской Федерации: монография. – Саратов, 2008.

⁴⁵ Ратинов А., Зархин Ю. Следственная этика // Социалистическая законность. – 1970. – № 10. – С. 35–40.

уголовном процессе, выделим следующих: Джон Д. Кастильоне (John D. Castiglione)⁴⁶; Маркус Даббер (Markus Dubber)⁴⁷; Дэвид Лабэн (David Luban)⁴⁸; Лесли Себба (Leslie Sebba)⁴⁹; Мендоса Троконис Х.Р. (Mendoza Troconis, J.R.)⁵⁰; Мартинес Ринконес Х.Ф. (Martinez Rincones J.F.)⁵¹; Беристайн Антонио и Ньюман Элиас (Beristain Antonio; Neuman Elías)⁵²; Кутуре Эдуардо Х. (Couture Eduardo J.)⁵³; Фернандес Эусебио (Fernández Eusebio)⁵⁴; Карнелутти Франциско (Carnelutti Francesco)⁵⁵; Рори О'Коннелл (Rory O'Connell)⁵⁶; Мэксин Д. Гудман (Maxine D. Goodman)⁵⁷; Микеле де Сальвиа⁵⁸, Моунд Нула и Харби Катарина⁵⁹.

⁴⁶ Castiglione J.D. Human dignity under the fourth amendment // Wisconsin law review. – 2008. – P. 655–711.

⁴⁷ Dubber M. Dignity in Penal Law and Penal Police // Human Dignity and the Criminal Law. – Jerusalem: Hebrew University, January 2009.

⁴⁸ Luban D. Legal Ethics and Human Dignity. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 337 p.

⁴⁹ Sebba L. Victimhood, Dignity and the Criminal Justice System: A Comment // Human Dignity and the Criminal Law / International Symposium (Jerusalem, January 5-6, 2009). – Jerusalem, 2009.

⁵⁰ Mendoza Troconis, J.R. El proceso penal y la persona humana // Ciencias Penales / Revista de la Asociación de Ciencias Penales de Costa Rica. – 1994. – № 8. – P. 24–32.

⁵¹ Martinez Rincones, J.F. El proceso penal y la persona humana // Anuario de la Facultad de Ciencias Jurídicas y Políticas de Mérida (Venezuela). – 1992. – № 16. – P. 169–183.

⁵² Beristain A., Neuman E. Criminología y dignidad humana. – 2^a ed. – Buenos Aires (Argentina): Depalma, 1991.

⁵³ Couture Eduardo J. Los Mandamientos del Abogado. – Buenos Aires (Argentina): Ed. Depalma, 1982.

⁵⁴ Fernández E. Teoría de la Justicia y Derechos Humanos. – Madrid (España): Editorial Debate, 1984.

⁵⁵ Carnelutti F. Las Miserias del Proceso Penal. – Buenos Aires (Argentina): Editorial Ejea, 1959.

⁵⁶ O'Connell R. The Role of Dignity in Equality Law: Lessons from Canada and South Africa // International Journal of Constitutional Law. – 2008. – Vol. 6. – Issue 2. – P. 267–286.

⁵⁷ Goodman M.D. Human Dignity in Supreme Court Constitutional Jurisprudence // Nebraska Law Review. – 2006. – Vol. 84. – № 3. – P. 740–794.

⁵⁸ Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. / Де Сальвиа Микеле. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 1072 с.

⁵⁹ Моунд Н., Харби К., Алексеева Л.Б. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии. – М., 2000.

Помимо юриспруденции, понятие «человеческое достоинство» исследуется также в различных иных науках: этике, психологии⁶⁰, философии⁶¹, социологии⁶², политологии⁶³, теории менеджмента⁶⁴. Но и в этих исследованиях вопросы содержания и гарантий уважения человеческого достоинства затрагивались без анализа правовой сути этого явления и в узкоспециальном аспекте.

Тема признания ценности, охраны и защиты человеческого достоинства в судебном процессе, справедливости судебного разбирательства как проявления уважения чести и достоинства личности получила подробное раскрытие в работах И.В. Телегиной⁶⁵ и Т.С. Дворянкиной⁶⁶.

Притом что изучению понятия «достоинство личности», защиты и охраны чести и достоинства личности было посвящено множество научных исследований и публицистических статей, преимущественно все они сводились к отдельным аспектам этой темы – либо гражданско-правовому (в разрезе гражданского судопроизводства по делам о защите чести и достоинства – в рамках статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации), либо уголовно-правовому (в уголовном судопроизводстве по делам, возбужденным по статьям 129 «Клевета» или 130 «Оскорбление» и некоторым другим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации).

По существу, человеческое достоинство выступает как ценностная основа системы защиты прав и свобод человека. При этом по отношению к праву на человеческое достоинство право

⁶⁰ Полтораки С.Н. Феномен российской интеллигенции: История и психология: Материалы междунар. науч. конф. (24–25 мая 2000 г., Санкт-Петербург). – СПб., 2000; Трубецкой А.Ю. Психология репутации. – М., 2005.

⁶¹ Боранецкий П. О достоинстве человека: Основания героич. этики. – Париж, 1950; Хвостов В.М. Этика человеческого достоинства. Критика пессимизма и оптимизма. – М., 1998; Невинский В.В. Достоинство человека: от философско-правовой идеи к конституционному принципу современного государства: Материалы межрегион. науч.-практ. Семинара. – Барнаул, 1999; Ткаченко О.В. Феномен чести в европейской и русской культуре: (филос.-антропол. анализ). – Ростов-на-Дону, 2005.

⁶² Ткаченко О.В. Честь как социокультурный феномен. – Ростов-на-Дону, 2006; Ткаченко О.В. Социокультурные детерминанты представлений о чести в России XX века: (социально-философский анализ). – М., 2006.

⁶³ Гулиев В.Е. Демократия и достоинство личности / В.Е. Гулиев, Ф.М. Рудинский. – М., 1983.

⁶⁴ Венедиктова В.И. Деловая репутация. Личность, культура, этика, имидж делового человека. – М., 1996.

⁶⁵ Телегина И.В. Реализация принципа уважения чести и достоинства личности в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Челябинск, 2009. – 21 с.

⁶⁶ Дворянкина Т.С. Уважение чести и достоинства личности как нравственная основа судебного разбирательства: Монография. – М.: Спутник+, 2007. – 117 с.

человека на жизнь является необходимым условием, гарантией возможности реализации права на осуществление человеческого достоинства.

Высокий ценностный потенциал понятия «человеческое достоинство» является следствием того, что Конституция наделяет человека, его права и свободы значением высшей ценности. В тех странах, где человек и его права не являются высшей ценностью, человеческое достоинство не обладает высокой ценностью.

Согласно статье 21 Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 (с поправками от 2008 г.)⁶⁷, достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.

Исследование гарантий охраны и защиты человеческого достоинства требует выявления содержания, уяснения смысла и уточнения устоявшегося понимания лексической конструкции «человеческое достоинство».

Достоинство личности в конституционном праве рассматривается также как критерий отношения государства к личности и ее правовому статусу как высшей социальной ценности. Достоинство личности выступает как ценностная основа и системообразующий элемент системы конституционных прав и свобод человека и системы охраны и защиты этих прав и свобод, оно первично и необходимо для соблюдения и защиты иных основных прав человека, является главной целью конституционно-правового регулирования в целом.

Достоинство личности является изначальным и неременным условием нормального существования индивида в обществе и государстве и участия его в системе существующих социальных отношений, выступает как один из основных предметов охраны и защиты как со стороны государства, так и межгосударственных и международных органов. Достоинство личности можно назвать объективно существующим нравственно-правовым явлением, не зависящим от его признания со стороны государства или другого субъекта. Сами права, наполняющие смысл человеческого достоинства, являются неотъемлемыми правами, неотчуждаемыми, они не могут ограничиваться кем бы то ни было на каких бы то ни было условиях или основаниях. Соблюдение и защита достоинства личности – основная обязанность государства и органов власти.

---

⁶⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. – 26.01.2009. – № 4. – Ст. 445.

Считаем, что рассмотрение содержания понятия «достоинство личности» было бы неполным без исследования свойств этого понятия.

Считаем обоснованным выделить следующие **наиболее существенные свойства достоинства личности**:

1. Достоинство личности возникает у человека от его рождения с момента физиологического появления на свет, т.е. естественного рождения, отделения ребенка от матери. Теоретический вопрос о признании человеческого достоинства у плода до рождения человека пока ещё не имеет общепризнаваемого и однозначного решения (даже среди сторонников такого признания есть расхождения в оценке возраста плода/эмбриона, с которого следует такое признание).

2. Достоинство личности является культурно- и социально-детерминированным, то есть его содержание, а также способы его соблюдения, охраны и защиты зависят от конкретно-исторических условий жизни общества.

3. Достоинство личности не исчезает со смертью человека, просто права и обязанности, связанные с охраной и защитой его достоинства личности, некоторым образом трансформируясь, переходят к родственникам умершего⁶⁸ и к государству⁶⁹.

Как отмечает Д.А. Самородов, «достоинство лица и особое субъективное право на достоинство прекращаются в момент смерти этого лица, а честь и право на честь могут сохраняться и после смерти, поскольку у окружающих сохраняется память об умершем и, следовательно, оценка его моральных, нравственных и интеллектуальных качеств. Само же себя лицо после смерти оценивать, естественно, не может»⁷⁰. Считаем возможным с этим подходом согласиться лишь отчасти (относительно прекращения субъективного права конкретного лица), придерживаясь мнения о том, что достоинство личности сохраняется в отдельных своих элементах и аспектах и после смерти человека, хотя в этом своем качестве оно тоже не вечно и имеет тенденцию постепенно исчезать.

Наша позиция близка к позиции А.Ф. Суржика: «Честь и достоинство возникают одновременно в момент рождения человека, и их существование не ограничено каким-либо сроком, поскольку право на честь и достоинство лица может защищаться и после его

⁶⁸ См., например, статью 152.1 «Охрана изображения гражданина» Гражданского кодекса Российской Федерации.

⁶⁹ См. статью 244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения» Уголовного кодекса Российской Федерации.

⁷⁰ Самородов Д.А. Честь и достоинство по российскому гражданскому праву: Социальные основы и правовая характеристика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Юридический институт Московской академии экономики и права. – М., 2006.

смерти любым заинтересованным лицом»⁷¹, и к позиции Е.О.Рыбиной: «потерпевшими от клеветы и оскорбления могут быть любые физические лица, в том числе лица, не способные осознавать фактический характер своих действий и руководить ими, а также умершие»⁷².

4. Достоинство личности является неотъемлемым и неотчуждаемым. Человеческое достоинство не может отчуждаться, так как является составной частью, неотъемлемым элементом самой личности. Вследствие этого достоинство личности непередаваемо. Оно не может быть передано кому-либо по каким-либо причинам, или обменено, продано, передано по наследству или иным способом отделения от человеческой личности.

5. Гарантии достоинства личности включают элемент межгосударственности. Достоинство личности безусловно признается государством и, именно поэтому, охраняется и защищается им. При этом достоинство личности может отстаиваться в национальной судебной системе и в международных органах по защите прав человека.

6. Достоинство личности выступает как ценностная основа для самосознания и самоконтроля в социальных взаимоотношениях. Человек осознает себя ценностью и, обладая уникальностью, неповторимостью, выстраивает свое поведение и контролирует свои действия таким образом, чтобы не посягать на человеческое достоинство других людей. С другой стороны, на достоинстве своей личности, как форме самосознания, основывается и выстраивается самоуважение, требовательность индивида к себе.

7. Достоинство личности обладает всеобщностью, то есть оно признается государством за каждым человеком, индивидуумом. В этом смысле достоинство личности выступает как основа свободы, справедливости и всеобщего мира.

8. Достоинство личности характеризуется двойственной природой, одновременно выступая как фактор публичных межличностных отношений и как фактор сферы личной жизни человека.

9. Вариативными элементами в структуре содержания человеческого достоинства, рассматриваемого в широком смысле, являются элементы, формируемые по гендерному (половому), профессиональному, образовательному, культурному, национально-религиозному, расовому и ряду других признаков.

---

⁷¹ Суржик А.Ф. Честь, достоинство и деловая репутация в гражданском праве Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук / Академия народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации. – М., 2007.

⁷² Рыбина Е.О. Уголовно-правовая защита чести, достоинства и репутации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2009. – 26 с.

10. Необходимость, но недостаточность правовых средств охраны и защиты человеческого достоинства, проявляется в том, что посягательство на достоинство личности не всегда может пресекаться административно-правовыми, уголовно-правовыми или гражданско-правовыми инструментариями, зачастую регулятором и гарантией охраны и защиты человеческого достоинства (в силу неоднородности структуры этого понятия) выступают нормы морали. В случае нарушения права на достоинство личности не всегда следует юридическая ответственность, но всегда посягательство на достоинство личности может получить моральную оценку.

11. Подвижность, динамичность, изменчивость человеческого достоинства связаны с тем, что психологическое восприятие личностью собственного человеческого достоинства может изменяться по мере повышения уровня образования, по мере накопления жизненного опыта.

12. Границы проявлений достоинства личности, обеспечения его охраны и защиты, связаны с тем, что достоинство личности не является абсолютной ценностью и его проявления могут входить в конфликт с другими конституционно признанными ценностями, и, вследствие этого, допускается их (проявлений достоинства личности) ограничение в соответствии с частью 3 статьи 55 Конституции РФ.

Историко-правовой анализ развития понимания и толкования понятия «человеческое достоинство» выявляет, что его понимание и толкование изменялись в зависимости от исторической эпохи, от уровня развития общества. По мере развития социально-культурного развития общества, усложнения общественных отношений, развивалось содержание понятия «личность», усложняясь и наполняясь новыми смысловыми аспектами и оттенками, приобретая новые аспекты и значения.

Анализ судебной практики по гражданским делам о защите чести и достоинства и судебной уголовной практики по делам, возбужденным по указанным выше статьям Уголовного кодекса РФ, с учетом результатов научных правовых исследований явления и понятия «человеческое достоинство», позволяет сделать вывод о сложной и неоднородной структуре этого понятия, с содержательной точки зрения. Большинство авторов, рассматривавших отдельные аспекты категории человеческого достоинства, сходятся во мнении относительно сложной структуры этого понятия, хотя и расходятся в подходах по частным моментам.

Анализ структуры понятия «человеческое достоинство» выявляет наличие в ней двух существенных элементов:

1. Инвариантная, базовая часть (остающаяся неизменной при тех или иных преобразованиях).

Инвариантными элементами (константами) в структуре содержания человеческого достоинства являются:

- достоинство личности, как человека (личности и представителя биологического вида, основы человеческой цивилизации);

- достоинство конкретной личности в части, обусловленной конкретными особенностями самовосприятия личности и сложившейся в обществе системой ценностных установок и представлений о безусловной ценности каждой конкретной человеческой личности.

2. Вариативная часть.

Эта часть, сама по себе, имеет сложную структуру и варьируется в зависимости от гендерного (полового), профессионального, образовательного, культурного, национально-религиозного, расового, и ряда других признаков конкретного человека, от уровня развития и цивилизованности общества, от существующего политического режима и т.д.

Кроме того, в категории человеческого достоинства можно выделить **объективную и субъективную стороны человеческого достоинства.**

Объективная сторона достоинства личности отражает обладание личности совокупностью качеств, определяющих ее репутацию в обществе и отношение к ней со стороны других лиц (социально приемлемые и социально ожидаемые нравственные и иные качества, уровень знаний, обладание социально полезными навыками, достойный образ жизни и т.п.).

Субъективная сторона достоинства личности отражает самовосприятие, самосознание и самооценку личности, которые отражаются в понятии чувства собственного достоинства.

Каждая из этих двух сторон неоднородна и состоит из двух основных компонентов.

Элементы объективной стороны человеческого достоинства:

1. Относительно стабильная (инвариантная) часть, присущая человеку в момент его рождения, поскольку в современном демократическом обществе и правовом демократическом государстве постулируется ценность человеческой личности. Проявляется в том, что базовая часть достоинства личности признается за каждым человеком, каким бы ни было к нему отношение со стороны иных лиц. Причем эта часть может претерпевать изменения в зависимости от качества обеспечения действия принципа верховенства закона государством и его органами, а также от отношения самого государства к достоинству личности.

2. Вариативная часть, определяемая социальным контекстом жизни человека, отношением к нему со стороны его окружения, других людей, в том числе исходя из его собственных поступков.

Поскольку отношение общества к конкретной личности может изменяться со временем (как в позитивную, так и в негативную сторону), и на это отношение влияют субъективные оценки третьих лиц и трансляция ими таких оценок, то и эта часть объективной стороны структуры человеческого достоинства непостоянна и зависит от поведения конкретного индивида, от его отношения к окружающим (и их отношения к нему), наличия у него определенных качеств, моральных составляющих.

Элементы субъективной стороны человеческого достоинства:

1. Относительно стабильная (инвариантная) часть, связанная с самосознанием и самовосприятием себя как человеческой личности, а также с национально-культурной, религиозной, расовой, половой идентичностью человека. Разумеется, отдельные элементы такого самосознания и самовосприятия изменяются с возрастом человека, по мере его взросления и развития.

2. Вариативная часть, связанная с восприятием человека собственных качеств и характеристик, которыми он овладевает в течение своей жизни: в ходе повышения образовательного и культурного уровня, уровня своих знаний и опыта, повышения социального положения, самостоятельным формированием своих планов и целей жизни.

Таким образом, субъективная и объективная стороны отличаются между собой, и каждая соответствует по структуре сочетанию выше указанных инвариантной и вариативной частей в структуре человеческого достоинства.

Понятие «человеческое достоинство» является сложным многоаспектным понятием, содержание и структуру которого можно раскрыть и описать также через **исследование отдельных его аспектов**, прежде всего – следующих:

- общий и частный биологический;
- индивидуальный личностный (личное достоинство);
- социальный (принадлежность к определенной социальной группе или временному (ситуативному) социуму);
- гендерный (человеческое достоинство женщины, человеческое достоинство мужчины);
- профессиональный (профессиональное достоинство);
- образовательно-культурный;
- национальный, религиозный и (или) расовый (достоинство личности по признаку отношения к национальности, религии и (или) расе);

- возрастной.

Сказанное выше, а также структурно-системный, логический и юридико-лингвистический анализ существующих определений понятия «человеческое достоинство» (синоним – «достоинство личности»), научных исследований различных аспектов проблемы понимания и толкования понятия «человеческое достоинство», защиты и охраны человеческого достоинства, в том числе по делам о защите чести и достоинства, позволяет выявить систему его существенных признаков и сформулировать авторское определение указанного понятия.

Достоинство личности (человеческое достоинство) – естественный и социально обусловленный феномен правосознания и человеческой культуры в целом, выступающий системообразующим элементом системы неотъемлемых, конституционно охраняемых и защищаемых прав и свобод человека, обладающий сложной психолого-правовой структурой и выражающийся в ценностно-мировоззренческих оценках и психологических переживаниях, сопряженных с самоощущением и самовосприятием личностью себя как человеческого индивидуума (представителя биологического вида), как конкретной личности (индивидуальное личностное достоинство) определенного пола, как представителя определенной социальной группы или общности, ценности самой этой общности (человеческое достоинство по признаку отношения к национальности, религии и (или) расе), с саморефлексией и этико-психологическим восприятием и переживанием этой личностью отношения к себе со стороны других лиц.

Для более точного раскрытия содержания указанного понятия считаем важным уделить внимание и понятию «реализация человеческого достоинства».

Реализация достоинства личности (человеческого достоинства) – обладание конкретной личностью (как ее носителем и выразителем) защищенностью своего человеческого достоинства⁷³ (презюмируемого⁷⁴ как социально значимая, охраняемая и защищаемая государством и обществом ценность) и реальными

⁷³ В его обозначенном нами выше понимании (см. соответствующее авторское определение).

⁷⁴ Юридическая презумпция – это утверждение о конвенционально-достоверном существовании факта, связанного тетической связью с другим, достоверно установленным фактом или фактами (Федотов А.В. Понятие и классификация доказательственных презумпций // Журнал российского права. – 2001. – № 4). Тетическая связь – это связь явлений, событий, процессов материального мира, которая возникает между ними в силу воли нормодателя (народа, непосредственно принявшего конституцию или законы, либо компетентного нормотворческого органа государства), воплотившейся в определенную норму или нормы права (Там же).

возможностями проявления, выражения, защиты или иного воплощения в жизнь, в том числе во взаимоотношениях с иными лицами, совокупности связанных с этим прав, а также непосредственное текущее повседневное и ситуативное воплощение в жизнь этих прав.

Исследование форм посягательства на достоинство личности позволяет не только дополнить картину описания содержания понятия «достоинство личности», но и более четко сформулировать предметную область прокурорского надзора за соблюдением требований об охране и защите человеческого достоинства на стадии предварительного расследования в уголовном процессе.

Посягательство на достоинство человека может быть осуществлено посредством действия или бездействия.

Анализ судебной практики по делам о защите чести и достоинства и судебной уголовной практики по делам, возбужденным по преступлениям против чести и достоинства личности, с учетом подходов и выводов, отраженных в отечественных и зарубежных научных правовых исследованиях понятия «человеческое достоинство», позволяет дать нижеследующую **авторскую классификацию форм и конкретизирующих их способов посягательства на человеческое достоинство.**

1. Вербальные формы посягательства на человеческое достоинство – устные или письменные, в том числе в электронной форме, высказывания или иные формы выражения отношения (например, реализованные изобразительными средствами) в адрес того, на чье человеческое достоинство совершается посягательство.

1.1. Клевета (в смысле диспозиции статьи 129 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Клевета – распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинства другого лица или подрывающих его репутацию. Порочащими являются сведения, не соответствующие действительности, которые содержат утверждения о нарушении человеком или организацией действующего законодательства или моральных норм, и, этим самым унижают честь и достоинство личности или деловую репутацию индивида или организации. Согласно позиции Верховного Суда РФ, «порочащими являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев

делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица»⁷⁵.

1.2. Оскорбление (в смысле диспозиции статьи 130 Уголовного кодекса Российской Федерации).

1.3. Унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе (в смысле диспозиции статьи 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» Уголовного кодекса Российской Федерации).

1.4. Распространение сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию лица (в смысле статьи 152 «Защита чести, достоинства и деловой репутации» Гражданского кодекса Российской Федерации).

1.5. Унижающие человеческое достоинство угрозы.

1.6. Противоправное распространение информации личного характера.

1.7. Заведомо ложный донос о совершении преступления (в смысле диспозиции статьи 306 «Заведомо ложный донос» Уголовного кодекса Российской Федерации).

1.8. Публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением (в смысле диспозиции статьи «Оскорбление представителя власти» Уголовного кодекса Российской Федерации).

2. Невербальные формы посягательства на человеческое достоинство, не связанные с физическим контактом.

2.1. Обсценные⁷⁶ и иные действия адресанта (плевок и др.), жесты, знаки или мимика, воспринимаемые адресатом другими людьми, исходя из сложившихся ценностных образов и нравственно-культурных стереотипов, как однозначно оскорбительные, направленные адресантом на оскорбление адресата.

⁷⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

⁷⁶ Обсценная лексика (ненормативная, табуированная лексика, нецензурные выражения, мат, непечатная брань) – от англ. obscene (непристойный, грязный, бесстыдный), которое, в свою очередь, восходит к лат. obscenus (отвратительный, непристойный, неприличный) – сегмент бранной лексики, включающий грубейшие (похабные, непристойно мерзкие, вульгарные) бранные выражения (Понкин И.В. Дисфорическая ненависть журналиста газеты «Московский комсомолец» Сергея Бычкова к Русской Православной Церкви. – М., 2008. – С. 40). Соответственно, обсценные действия – крайне неприличные действия, воспринимаемые и оцениваемые в рамках сложившихся ценностных образов и нравственно-культурных стереотипов как отвратительные, похабные, непристойно мерзкие, вульгарные.

2.2. Надругательство над телами умерших либо уничтожение, повреждение или осквернение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением (в смысле диспозиции статьи 244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения» Уголовного кодекса Российской Федерации). Посягательство на память и доброе имя родителей (тем более – умерших) для многих людей воспринимается более остро, чем посягательство на собственные честь и достоинство.⁷⁷

3. Сопряженные с нанесением физического вреда здоровью и жизни формы посягательства на человеческое достоинство.

3.1. Побои, нанесение иных телесных повреждений (в смысле диспозиций статей 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью», 113 «Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта», 114 «Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление», 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», 116 «Побои», 118 «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности» Уголовного кодекса Российской Федерации).

3.2. Истязание и пытки (в смысле диспозиции статьи 117 «Истязание» Уголовного кодекса Российской Федерации, с учетом пункта 1 статьи 1 части I Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10.12.1984, статьи 5 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948, статьи 5 и в комментария к ней Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятого резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи от 17.12.1979).

Примечание к статье 117 Уголовного кодекса Российской Федерации определяет пытку следующим образом: «Под пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается причинение физических или нравственных страданий в целях

⁷⁷ В определенном аспекте можно указать также и жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье, если это деяние совершено в целях причинить нравственные страдания их владельцам или иным лицам, в том числе совершенное с применением садистских методов или в присутствии малолетних (в смысле диспозиции статьи «Жестокое обращение с животными» Уголовного кодекса Российской Федерации). – Прим. авт.

понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях».

Согласно пункту 1 статьи 1 части I Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятой и открытой для подписания, ратификации и присоединения резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 г., под пыткой понимается «любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно».

3.3. Связанное с насилием или принуждением, либо явно оскорбительное сексуальное посягательство (в смысле диспозиций статей 135 «Развратные действия» (включая интеллектуальную форму таких действий), 131 «Изнасилование», 132 «Насильственные действия сексуального характера», 133 «Понуждение к действиям сексуального характера», 134 «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» Уголовного кодекса Российской Федерации).

4. Неправомерное уголовное преследование невиновного лица или принятие в отношении него чрезмерных мер.

4.1. Необоснованное осуждение невиновного.

4.2. Нарушение процессуальных прав лица в уголовном процессе (включая фактическое лишение права на защиту), обуславливающее осознаваемую неспособность защитить свое «доброе имя», либо существенно снижающее шансы на успех такой защиты.

4.3. Назначение несоизмеренного тяжести правонарушения наказания.

4.4. Юридически и фактически необоснованное избрание меры пресечения в виде взятия под стражу.

4.5. Необоснованное воспрепятствование реализации права добиваться смягчения наказания.

Так, Конституционный Суд РФ в Определении от 11 июня 2006 г. № 406-О «По жалобе гражданина Груздева Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 79 УК Российской Федерации и частью третьей статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» признал ограничение права осужденного добиваться смягчения своей участи нарушением права человека на личное достоинство.

5. Бесчеловечное отношение.

5.1. Создание бесчеловечных условий проживания или пребывания, в том числе создание таких условий в местах ограничения свободы (в смысле, отраженном в статье 3 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950, в пунктах 16, 31, 60 (ч.1) и 65 документа «Минимальные стандартные правила обращения с заключенными» (одобрены Экономическим и Социальным Советом ООН в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31.07.1957 и 2076 (LXII) от 13.05.1977), в п. 1 Основных принципов обращения с заключенными (Резолюция 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 45/111, принята без голосования 14.12.1990), в принципе 1 Свода принципов защиты всех лиц, подвергающихся задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (утвержден резолюцией Генеральной Ассамблеи 09.12.1988) и др.).

5.2. Дискриминация, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам (в смысле диспозиции статьи 136 «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина» Уголовного кодекса Российской Федерации, с учетом статьи 3 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, провозглашенной резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи от 25 ноября 1981 г.).

В контексте сказанного **представляет интерес анализ содержания и практики применения Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».** Но это тема уже следующей статьи...

* * *

Понкин И.В., Кузнецов М.Н., Гребнев Л.С. О новом федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования, утвержденном приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 6 октября 2009 г. № 373⁷⁸

Проведенный анализ федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования (далее – Стандарт), утвержденного приказом Министерства образования и науки Российской Федерации «Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» от 6 октября 2009 года № 373⁷⁹, выявил наличие в нем следующих существенных, в том числе концептуальных, недостатков, позволяющих утверждать о будущих негативных последствиях его применения.

1. Политтехнологическая составляющая Стандарта как его существенный недостаток концептуального характера.

Как следует из положений Стандарта, главной целью, на достижение которой он направлен, является **становление гражданской идентичности обучающихся как основы развития**

⁷⁸ **Понкин Игорь Владиславович** – доктор юридических наук, заместитель председателя Комиссии по проблемам безопасности, защиты прав ребенка и других участников образовательного процесса Общественной палаты по образованию в городе Москве.

Кузнецов Михаил Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Гребнев Леонид Сергеевич – доктор экономических наук, заведующий кафедрой Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина.

Статья посвящена анализу федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования, утвержденного приказом Министерства образования и науки Российской Федерации «Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» от 6 октября 2009 года № 373.

Ключевые слова: стандарт, образование, школа, образование.

This article analyzes the federal state educational standards of primary education, approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation "On approval and enactment of the federal state educational standards of primary education" from October 6, 2009 № 373.

Keywords: standard, education, school, education.

Материал от 23.03.2010.

⁷⁹ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации «Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» от 06.10.2009 № 373 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 22.12.2009 № 15785).

гражданского общества (пункт 6), для этого в его основу положен системно деятельностный подход, *«который предполагает воспитание и развитие качеств личности, отвечающих требованиям информационного общества, инновационной экономики, задачам построения демократического гражданского общества на основе толерантности, диалога культур и уважения многонационального, поликультурного и поликонфессионального состава российского общества; переход к стратегии социального проектирования и конструирования в системе образования на основе разработки содержания и технологий образования, определяющих пути и способы достижения социально желаемого уровня (результата)...*» (пункт 7). То есть в основу Стандарта заложена очевидная политическая технология социального проектирования и конструирования – формирования **нового желаемого общества на основе толерантности, диалога культур и уважения многонационального, поликультурного и поликонфессионального состава российского общества**. Понятие «толерантности» стоит первым в ряду ценностных ориентиров Стандарта, а понятие «гражданская идентичность» упомянуто как целевая установка Стандарта пять раз (пункты 6, 8, 9, 10, 19.6).

Важно отметить, что в Стандарте вообще ни разу не упомянуты цель сохранения национально-культурной идентичности народов Российской Федерации и цель сохранения духовных ценностей народов Российской Федерации, как и само понятие «духовные ценности народов Российской Федерации». При этом использование понятия «духовные ценности и культура многонационального народа России» – отражающего ценности некой общности «россияне» – элиминирует, скрывает и позволяет не обращать внимание на ценности **отдельных народов** Российской Федерации, что, противоречит заявлению пункта 5 о том, что Стандарт *«разработан с учетом региональных, национальных и этнокультурных потребностей народов Российской Федерации»*. Получается, что учет очевидных потребностей народов Российской Федерации произведён разработчиками Стандарта таким образом, чтобы не учитывать одну из главнейших потребностей народов Российской Федерации – сохранение их национально-культурной идентичности и духовных ценностей, а скрыть, элиминировать их за *«духовными ценностями и культурой многонационального народа России»* (пункт 6). Совершенно очевидно, что большинство граждан России заинтересованы в том, чтобы обучение их детей в школе способствовало сохранению, а не разрушению их национально-культурной идентичности и сохранению духовных ценностей, присущих конкретному народу, к которому они относятся.

Отметим также, что понятие «культурные ценности» не тождественно понятию «духовные ценности».

При этом указание в подпункте 1 пункта 10 на то, что *«личностные результаты освоения основной образовательной программы начального общего образования должны отражать ... осознание своей этнической и национальной принадлежности»*, по сути, ни к чему педагогов не обязывает, так как оно сформулировано настолько неопределенно, что не требует предпринимать какие-либо педагогические действия, ведь у обучающихся и без этих усилий уже есть какое-то осознание своей этнической и национальной принадлежности. Аналогичное замечание к формулировке требования, согласно которому предметный результат освоения образовательной программы по предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России» должен *«отражать... воспитание нравственности, основанной на свободе совести и вероисповедания, духовных традициях народов России»* (подпункт 6 пункта 12.4 во взаимосвязи с пунктом 12), – это требование не устанавливает, **какой именно** должен быть результат (!), и фактически ничего не требует от педагогов, так как какое-то «отражение» будет и без их действий!

Полагаем, что в таком концептуальном подходе разработчиков Стандарта отражено их очевидное негативное отношение к защите указанных ценностей **отдельных народов** Российской Федерации. Либо они не признают, что у народов Российской Федерации имеются свои духовные ценности, обладающие национальной исторически обусловленной спецификой наряду с общими с другими народами Российской Федерации ценностями.

Таким образом, разработчики Стандарта решают политическую задачу формирования общности *«многонациональный народ России»*, фактически, за счет неправомерного отказа в сохранении духовных ценностей народов Российской Федерации и национально-культурной идентичности каждого из народов Российской Федерации.

Многие формулировки требований Стандарта к результатам освоения обучающимися образовательной программы изложены в настолько неудачной форме, что фактически не обязывают педагогов достигать каких-либо четких образовательных и воспитательных целей (пункты 12, 12.1, 12.3, 12.4, 12.5 и др.).

2. Недостаточная проработанность понятийного аппарата Стандарта.

Качество правовой регламентации требований Стандарта к основной образовательной программе начального общего образования является неудовлетворительным как по содержанию, так и по форме изложения. Большая часть понятий, используемых в Стандарте, касающихся организации обучения, не имеет четких и ясных определений (ни в нем, ни в других нормативных актах Минобрнауки), вследствие чего при применении соответствующих положений Стандарта эти понятия могут интерпретироваться весьма широко, субъективистски и предвзято, что противоречит одной из главных целей, на достижение которых он направлен: обеспечение единства образовательного пространства Российской Федерации в условиях многообразия образовательных систем и видов образовательных учреждений (абзац 6 пункта 6).

Стремление авторов Стандарта к наукообразию и приданию ему внешней теоретической убедительности привело к тому, что Стандарт оказался перегруженным окказиональной терминологией (то есть «придуманными» специально для этого документа понятиями), насыщенным недостаточно определенными по значению понятиями и характеризуется запутанными логическими и смысловыми отношениями между ними, чрезмерно вольным использованием лексических конструкций, игнорированием правил юридической техники (а ведь это нормативный правовой акт!).

Речь идет о следующих понятиях, касающихся организации обучения: стратегии социального проектирования и конструирования в системе образования (пункт 7); формирование критериальной оценки (пункт 6); универсальные учебные действия (пункты 7, 9, 16 и 19.4); метапредметные результаты (абзац 1 пункта 11, пункт 12, абзац 7 пункта 13, абзац 3 пункта 9 и др.); предметные результаты (пункт 12); планируемые результаты освоения основной образовательной программы (пункты 13 и 19.2); ключевые воспитательные задачи (пункт 19.6); социальная компетенция (пункт 19.6). Часть из перечисленных понятий, очевидно, заимствована из педагогических публикаций и не отвечает требованиям к терминологии правовых актов.

Недостаточно определёнными являются также понятия Стандарта, касающиеся **ценностного** содержания обучения: гражданская идентичность (пункты 6, 8, 9, 10, 19.6); толерантность (пункты 7, 12.1 и 13); духовные ценности и культура многонационального народа России (пункт 6); диалог культур (пункт 7); требования информационного общества, инновационной экономики (пункт 7); духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся (пункт 8); национальные ценности (пункт 8);

гуманистические и демократические ценностные ориентации (подпункт 1 пункта 10); конструктивные отношения в семье (подпункт 2 пункта 12.4); ценностные ориентации обучающегося (пункты 13 и 19.6); «гуманизм» (пункт 13); ценностные ориентиры содержания образования (пункт 19.4); ценностные ориентиры содержания учебного предмета (подпункт 4 пункта 19.5); базовые национальные ценности российского общества (пункт 19.6); общечеловеческие ценности (пункт 19.6); активная деятельностная позиция (пункт 19.6); личностные ориентиры (пункт 19.7); моральные нормы, нравственные установки (пункт 8), национальные ценности (пункт 8); ценности семьи и общества (пункт 8).

Положения Стандарта, использующие эти понятия, не снабжены и отсылками к другим документам, позволяющим выяснить, какие **конкретные** нормы и установки, ценности должны будут *прививаться* обучающимся педагогами в процессе обучения. Что и как будет включаться в содержание этих важнейших понятий?

Значение и объем большинства вышеперечисленных понятий недостаточно четко определены, вследствие чего, без закрепления их дефиниций в данном Стандарте или в других нормативных актах Минобрнауки РФ, применение требований этого Стандарта неизбежно вызовет серьёзные проблемы.

К понятиям с недостаточно определённым смыслом, либо не отвечающим юридико-лингвистическим требованиям к понятиям в нормативном правовом акте, можно отнести также понятия: «**формирование универсальных учебных действий**» (подпункт 2 пункта 19.9); «*нормы здоровьесберегающего поведения*» (подпункт 3 пункта 12.3).

Возможно, для авторов Стандарта и тех, кто осуществлял его экспертизу в Минобрнауки России, всё это вполне привычная терминология, но для такого рода нормативного документа, который должен будет применяться всеми образовательными учреждениями общего образования, она неуместна. Если бы указанные лексические конструкции использовались в статье в научном журнале, это не вызвало бы таких претензий. Но федеральный государственный образовательный стандарт является подзаконным нормативным правовым актом, он содержит правовые нормы-требования и, следовательно, в нём должны использоваться понятия, имеющие достаточно определённое и ясное значение. Если же некоторые понятия, в том числе вводимые новые понятия (не являющиеся общепризнанными) невозможно было заменить более определёнными по значению лексемами или лексическими конструкциями, то необходимо было закрепить в данном документе нормы-дефиниции с юридически корректными определениями. Иначе, Стандарт будет невозможно или крайне затруднительно применять,

так как смысл установленных в нем требований к содержанию образования выражен очень неопределенно.

Относительно **«формирования потребности ребенка безбоязненно обращаться к врачу по любым вопросам, связанным с особенностями роста и развития, состояния здоровья»** (последний абзац пункта 19.7) заметим, что можно было бы как-то понять купирование страхов ребенка обращаться к врачу. Но для чего формировать именно **потребность** обращаться к врачу, и тем более **по любым вопросам** развития, если основания для такого обращения отсутствуют?

Таким образом, понятийный аппарат Стандарта проработан неудовлетворительно.

3. Стандарт, по существу, не отвечает на многие существенные вопросы о содержании и ценностных основах начального общего образования в Российской Федерации.

Вследствие показанной выше недостаточной определенности значения многих применяемых в Стандарте понятий он не даёт ясности, чему именно будут учить российских младших школьников.

Характерной чертой Стандарта является его существенная пробельность, то есть недостаточно полное определение и раскрытие совокупности требований, обязательных при реализации основных образовательных программ начального общего образования. Стандарт является не целостным и системообразующим документом, а компиляцией отдельных фрагментов, оставляющей за своими рамками множество первостепенных по важности вопросов, которые должны быть закреплены именно в федеральном государственном образовательном стандарте.

Совершенно недостаточно перечислить в Стандарте некоторый набор декларативных положений о том, что же именно должны отражать *«предметные результаты освоения основной образовательной программы начального общего образования с учетом специфики содержания предметной области»* «Филология» («Русский язык. Родной язык»). Гораздо важнее, что именно будет изучать ребенок – действительно необходимые для нравственного и культурного развития обучающегося лучшие произведения классиков русской литературы, либо материалы, угрожающие духовно-нравственному и психическому здоровью и развитию детей. Следовательно, в Стандарте должны были быть закреплены требования, предотвращающие использование в обучении произведений и учебных материалов, которые могут причинить вред здоровью и развитию обучающихся.

Звучавшие при обсуждении этого Стандарта на этапе его разработки отговорки со стороны разработчиков о том, что

использованию в обучении произведений и учебных материалов, которые могут причинить вред здоровью и развитию обучающихся, препятствуют нормы о том, что федеральные государственные образовательные стандарты представляют собой совокупность требований (пункт 1 статьи 7 Закона РФ «Об образовании»), являются совершенно неубедительными. Требования, закреплённые в Стандарте, по своему содержанию не обеспечивают надлежащее качество и безопасность содержания используемых учебных материалов (в том числе учебников), а также учебных тем, учебных курсов, предметов и дисциплин.

Как выше отмечено, многие положения Стандарта, закрепляющие ценностные, в том числе нравственные основы начального общего образования, изложены без раскрытия значения ключевых понятий, в результате чего Стандарт оказался переполнен декларациями не вполне ясного смысла.

Например, заявляется, что Стандарт ориентирован на становление следующей личностной характеристики выпускника: *«уважающий и принимающий ценности семьи и общества»* (пункт 8). Но не указано, какой семьи, какого общества? В обществе сейчас очень много разных ценностных ориентаций, в том числе патологической направленности.

В том же пункте 8 говорится, что *«в соответствии со стандартом на ступени начального общего образования осуществляется ... духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся, предусматривающее принятие ими моральных норм, нравственных установок, национальных ценностей»*. Каких конкретно норм, установок и ценностей? Содержание Стандарта этого не проясняет.

Подпункт 3 пункта 10 предусматривает формирование (принудительное) у детей *«уважительного отношения к иному мнению»*. Совершенно очевидно, что есть такие мнения, уважать которые абсолютно недопустимо, например, о допустимости экстремизма и терроризма, об оправдании нацизма, о возможности педофилии и интеллектуальных форм совершения развратных действий с несовершеннолетними. Или разработчики Стандарта думают иначе?

Вместо ожидаемых от Стандарта важных, ясных и чётких положений, требований в нём закреплены расплывчатые или откровенно сомнительные и некорректные с юридико-лингвистической точки зрения формулировки, например, *«метапредметные результаты»* освоения основной образовательной программы начального общего образования (абзац 1 пункта 11, абзац 7 пункта 13, абзац 3 пункта 9 и др.).

В Стандарте не закреплены четкие требования не только к

содержанию образования, но и к содержанию учебных пособий, обеспечивающих образовательный процесс, реализующий указанное содержание образования. Это – важнейший вопрос, поскольку использование в российских школах для учебного процесса материалов, вредных духовно-нравственному и психическому здоровью обучающихся, выявляется достаточно часто и представляет большую проблему, которую (наряду с другими проблемами) был призван решить федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. Отсутствие в Стандарте четких и ясных требований к содержанию образования, к содержанию учебных пособий обеспечивает автору любого вредного пособия потенциальную возможность оспорить в судебном порядке решение об отказе в допуске его пособия в школу.

В целом, многие положения Стандарта остаются лишь декларациями, не подкрепленными никакими реальными механизмами и гарантиями, без отсылочных норм к другим нормативным правовым актам.

Например, в Стандарте заявляется, что он направлен на обеспечение *«демократизации образования и всей образовательной деятельности»*, в том числе – *«через развитие форм государственно-общественного управления»* (абзац 7 пункта 6), но никаких условий, гарантий, механизмов такого развития он в действительности не определяет и не обеспечивает.

4. Необоснованная минимизация в Стандарте объёма части основной образовательной программы, формируемой участниками образовательного процесса.

Согласно пункту 1 Стандарта, он включает требования, в том числе, *«к соотношению частей основной образовательной программы и их объёму, а также к соотношению обязательной части основной образовательной программы и части, формируемой участниками образовательного процесса»*.

Пункт 15 Стандарта устанавливает, что основная образовательная программа начального общего образования содержит обязательную часть и часть, формируемую участниками образовательного процесса, а также что ***«обязательная часть основной образовательной программы начального общего образования составляет 80%, а часть, формируемая участниками образовательного процесса, – 20% от общего объёма основной образовательной программы начального общего образования»***.

При этом в пункте 19.3 указано, что в рамках основной образовательной программы начального общего образования *«количество учебных занятий за 4 учебных года не может*

составлять менее 2904 часов и более 3210 часов».

Следовательно, количество учебных занятий за 4 учебных года в рамках части основной образовательной программы начального общего образования, формируемой участниками образовательного процесса, не может составлять менее 581 часа и более 642 часов (20 % от основной программы).

Если бы вышеуказанный объем часов – 20% (или хотя бы большая его часть) направлялся именно на обеспечение учебных занятий (в урочной форме), то были бы основания говорить о соблюдении требования подпункта 1 пункта 4 статьи 7 Закона РФ «Об образовании» и о реальной гарантированности существования части основной образовательной программы начального общего образования, формируемой участниками образовательного процесса.

Однако заметим, в пункте 19.3 указано, что, помимо указанного выше объема часов, предусмотренного Стандартом на урочную форму (не включая в него)⁸⁰, предусмотренное также *«время, отводимое на внеурочную деятельность, составляет до 1350 часов».*

При этом в Стандарте отсутствует четкое распределение количества часов занятий части основной образовательной программы начального общего образования, формируемой участниками образовательного процесса, выделяемых на урочную и внеурочную формы (в часах или в процентах).

Положение пункта 19.3 о том, что *«внеурочная деятельность организуется по направлениям развития личности (спортивно-оздоровительное, **духовно-нравственное**, социальное, общеинтеллектуальное, **общекультурное**)»*, делает наиболее вероятными претендентами на реализацию за счет внеурочной формы именно изучение религиозной культуры, духовно-нравственное и этнокультурное образование.

Важно отметить, что суть части основной образовательной программы начального общего образования, формируемой участниками образовательного процесса, в понимании авторов Стандарта, излагается в пункте 19.3 в содержательно-размытой лексике следующим образом:

«В целях обеспечения индивидуальных потребностей обучающихся учебный план предусматривает время:

на увеличение учебных часов, отводимых на изучение отдельных обязательных учебных предметов;

⁸⁰ В самом стандарте эти вопросы четко не разведены, но в другом материале разработчиков стандарта, его обеспечивающем (Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Начальная школа / Сост. Е.С. Савинов. – М.: Просвещение, 2010. – 191 с. – С. 87, 91), четко указывается раздельность этих объемов часов.

на введение учебных курсов, обеспечивающих различные интересы обучающихся, в том числе этнокультурные;

на внеурочную деятельность» (абзацы 6–9 пункта 19.3).

Очевидно, что учебный план в обязательной части основной образовательной программы начального общего образования носит общий, обязательный для всей страны характер и в него не могут быть включены курсы, направленные на «*обеспечение индивидуальных потребностей обучающихся*». Это возможно сделать только за счет части основной образовательной программы начального общего образования, формируемой участниками образовательного процесса.

Следовательно, **общий объем часов, отводимых на реализацию части основной образовательной программы начального общего образования, формируемой участниками образовательного процесса, применительно к изучению религиозной культуры, к духовно-нравственному и этнокультурному⁸¹ образованию** существенно сокращается, превращаясь в ничтожно малый объем из-за увеличения учебных часов, отводимых на изучение отдельных обязательных учебных предметов, внеурочной деятельности и введения учебных курсов, обеспечивающих различные интересы обучающихся (помимо этнокультурных и связанных с изучением религиозной культуры).

Причем для школ с пятидневной учебной неделей, в силу санитарных требований, этот объем становится просто нереальным для его практического использования.

В соответствии с подпунктом 1 пункта 4 статьи 7 Закона РФ «Об образовании», федеральные государственные образовательные стандарты, а также устанавливаемые в соответствии с пунктом 2 статьи 7 образовательные стандарты и требования включают в себя требования к структуре основных образовательных программ, **в том числе требования к соотношению частей основной образовательной программы и их объему, а также к соотношению обязательной части основной образовательной программы и части, формируемой участниками образовательного процесса.** То есть указанной нормой однозначно предусмотрена, помимо обязательной части основной образовательной программы, еще и часть основной образовательной программы, формируемая участниками образовательного процесса (прежде всего – самим образовательным учреждением на основе существующего социального

---

⁸¹ Например, татарским детям приобщаться к татарской культуре и изучать татарский язык; то же касается и других народов.

образовательного запроса, то есть во взаимодействии с родителями школьников⁸²).

Таким образом, в Стандарте необоснованно заложены недопустимая минимизация, выхолащивание весьма значимой части основной образовательной программы **в ее урочной части**, что посягает на компетенцию образовательных учреждений и иных участников образовательного процесса и противоречит законодательству Российской Федерации.

5. Существенные недостатки Стандарта с точки зрения задач формирования российской гражданской идентичности и национально-культурных идентичностей обучающихся, их гражданско-патриотического воспитания.

Существенным недостатком Стандарта является то, что в нём не закреплены ценности, на основе которых должно осуществляться образование в начальной школе, четко, ясно и структурно упорядоченно и содержательно.

Стандартом уделено неоправданно мало внимания воспитательной функции начального общего образования. Стандарт содержит лишь фрагментарные декларации необходимости духовно-нравственного воспитания обучающихся, но в действительности не закрепляет существенных требований к осуществлению духовно-нравственного воспитания школьников в образовательном процессе, равно как не закрепляет ценностные основы и механизмы такого воспитания.

В Стандарте также совершенно отсутствуют требования к правовым, организационным и педагогическим средствам организации и осуществления воспитания патриотизма у детей (конкретные требования, а не пустые декларации).

Слово «патриотизм» использовано в Стандарте всего один раз (!) – как один из *«результатов индивидуальных достижений обучающихся, не подлежащих итоговой оценке качества освоения основной образовательной программы начального общего образования»* (пункт 13) – наряду с *«толерантностью»* и *«гуманизмом»*.

Подпункт 1 пункта 10 определяет, что *«личностные результаты освоения основной образовательной программы начального общего образования должны отражать формирование*

---

⁸² Подробнее см.: Михалева Н.А., Понкин И.В. Заключение от 17.12.2007 о правовых основаниях продолжения реализации учебных курсов религиозной культуры и национально-культурного образования, ранее преподававшихся в рамках регионального компонента и компонента образовательного учреждения государственного стандарта общего образования // Гражданско-правовая и уголовно-правовая охрана нравственности: Сб.. – М., 2008. – С. 409–421. (Доступно на сайте www.moral-law.ru).

... чувства гордости за свою Родину, российский народ и историю России», а подпункты 1 и 2 пункта 12.3 устанавливают, что предметные результаты освоения основной образовательной программы начального общего образования в рамках содержания предметной области «Обществознание и естествознание (Окружающий мир)» «должны отражать понимание особой роли России в мировой истории, воспитание чувства гордости за национальные свершения, открытия, победы; сформированность уважительного отношения к России, родному краю, ... истории, ... нашей страны, ее современной жизни».

Но эти декларации остаются не обеспеченными конкретизирующими или реализующими их положениями Стандарта.

Существенно чаще в требованиях Стандарта использовано указание на формирование у обучающихся *«гражданской идентичности»*. Так, согласно пункту 6, Стандарт направлен на обеспечение *«становления гражданской идентичности»* обучающихся *«на ступени начального общего образования как основы развития гражданского общества»*. В пункте 8 заявляется, что в соответствии со Стандартом на ступени начального общего образования так же осуществляется *«становление основ гражданской идентичности обучающихся»*. Согласно пункту 9, Стандарт устанавливает требования к *«личностным результатам обучающихся, освоивших основную образовательную программу начального общего образования: личностным, включающим ... сформированность основ гражданской идентичности»*.

При этом не указываются ценностно-мировоззренческие основы *«гражданской идентичности»*, что позволяет включать в объем этого понятия любое содержание, необходимое *«стратегам»* социального проектирования и конструирования (абзац 2 пункта 7).

Следовательно, Стандарт не может оцениваться как надлежащая нормативная основа для гражданско-патриотического воспитания российских детей в школе, которое очень необходимо именно в младшем школьном возрасте.

В этом отношении, анализируемый Стандарт не соответствует требованиям Закона РФ «Об образовании», Постановления Правительства Российской Федерации от 11.07.2005 № 422 «О Государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы»» и других нормативных правовых актов и документов, определяющих государственную политику в области гражданско-патриотического воспитания несовершеннолетних.

Учитывая отмеченные выше существенные недостатки Стандарта, считаем, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе этот Стандарт объективно будет способствовать

размыванию и эрозии воспитательной функции школы, духовно-нравственной деградации российской молодежи и всего общества.

Активными факторами для таких последствий действия Стандарта являются его положения, способствующие:

- вытеснению нравственности, основанной на культурных и религиозных традициях народов России, воспитанием абсурдной *«нравственности, основанной на свободе совести и вероисповедания»* (подпункт 6 пункта 12.4);

- выхолащиванию требований к реализации содержания предметной области по филологии (строка 1 таблицы пункта 19.3, пункт 12.1);

- принудительному навязыванию детям, по сути, вульгарно-секуляристского религиозоведения (пункт 12.4, строка 4 таблицы пункта 19.3, пункт 19.6) при заявлении о направленности *«Программы духовно-нравственного развития, воспитания обучающихся на ступени начального общего образования»* на формирование *«ценностных ориентаций»* (абзац 7 пункта 19.6)

Все записанные в Стандарте положения о патриотическом воспитании детей и об их приобщении к культурам своих народов остаются лишь декларативными, выраженными в предельно общей форме, требованиями, не подкрепленными в нём никакими реальными механизмами или детализированными требованиями. Более того, эти декларации превращаются в фикции из-за множества других, более конкретно сформулированных, положений, имеющих совершенно иную идеологическую направленность.

Например, крайне неудовлетворительно сформулирован подпункт 2 пункта 12.1, согласно которому предметные результаты освоения основной образовательной программы начального общего образования с учетом специфики содержания предметной области *«Филология (Русский язык. Родной язык)»*, должны отражать понимание обучающимися и осознание ими *«значения русского языка как государственного языка Российской Федерации, языка межнационального общения»*. То есть, осознание обучающимися значения русского языка искусственно ограничивается смыслами использования его в официальных документах и прочими аспектами содержания понятия *«государственный язык»*, а также использования его для межнационального общения.

Значение русского языка как основы национально-культурной идентичности и всей культуры русского народа (наиболее многочисленного народа России) просто выхолащено.

6. Игнорирование Стандартом необходимости организации физкультурной и спортивной подготовки и воспитания в школе.

Стандартом совершенно неудовлетворительно обеспечивается физкультурное и спортивное воспитание и обучение младших школьников. Физкультура и спорт не упоминаются среди основных требований, которые включает Стандарт (пункт 1), в описании того, на обеспечение чего именно направлен Стандарт (пункт 6), в описании того, что конкретно осуществляется в соответствии со Стандартом на ступени начального общего образования (пункт 8), в числе ожидаемых и проектируемых «личностных характеристик выпускника» (пункт 8), среди «требований к результатам обучающихся, освоивших основную образовательную программу начального общего образования» (пункт 9), равно как среди «личностных результатов освоения основной образовательной программы начального общего образования» (пункт 10).

Только ближе к концу Стандарта появляются косвенные упоминания о спорте. Так, спортивно-оздоровительное направление вскользь упоминается в пункте 19.3 как одно из направлений внеурочной деятельности, там же упоминаются не имеющие непосредственного отношения к школе сторонние «организации культуры и спорта». В пункте 19.7 говорится о том, что «Программа формирования культуры здорового и безопасного образа жизни должна обеспечивать... развитие **потребности** в занятиях физической культурой и спортом», но про саму организацию занятий физкультурой и спортом в школе ни слова! В пункте 25 упоминается, что «материально-техническая база реализации основной образовательной программы начального общего образования должна соответствовать действующим санитарным и противопожарным нормам, нормам охраны труда работников образовательных учреждений», предъявляемым, в том числе, к «спортивным залам, бассейнам, игровому и спортивному оборудованию», а также что «материально-техническое и информационное оснащение образовательного процесса должно обеспечивать возможность ... физического развития, участия в спортивных соревнованиях и играх».

Содержание физической культуры в начальной школе сведено в пункте 12.7 только к формированию неких теоретических первоначальных представлений (подпункт 1), к овладению умениями организовывать некую «здоровьесберегающую жизнедеятельность» (подпункт 2) и к «формированию навыка систематического наблюдения за своим физическим состоянием» (подпункт 3). И всё! Основные задачи реализации содержания к предметной области

«Физическая культура» сформулированы не менее странно: *«Укрепление здоровья, содействие гармоничному физическому, нравственному и социальному развитию, успешному обучению, формирование первоначальных умений саморегуляции средствами физической культуры. Формирование установки на сохранение и укрепление здоровья, навыков здорового и безопасного образа жизни»* (строка 7 таблицы пункта 19.3).

К физкультурному и спортивному воспитанию всё это не имеет отношения.

Таким образом, физкультура и спорт не получили надлежащего отражения среди основных требований, определяющих содержание начального общего образования, не устанавливается никаких механизмов организации и осуществления спортивного и физкультурного воспитания обучающихся в начальной школе.

7. Неудовлетворительность блока требований Стандарта, касающихся вопросов «формирования культуры здорового и безопасного образа жизни».

Положения Стандарта, посвященные вопросам *«формирования культуры здорового и безопасного образа жизни»*, являются недостаточно четкими и ясными по смыслу, в силу чего они могут способствовать внедрению в школы т.н. «сексуального просвещения», растлевающего и провоцирующего детей на раннее начало половой жизни и формирующего сексуальные отклонения.

К примеру, пункт 19.7 предусматривает, что программа формирования культуры здорового и безопасного образа жизни должна обеспечивать *«пробуждение в детях желания заботиться о своем здоровье»* (каковы основания предполагать, что до того в семье, до или вне школы у ребенка такое желание отсутствовало или «спало»?) и ***«формирование потребности ребенка безбоязненно обращаться к врачу по любым вопросам, связанным с особенностями роста и развития, состояния здоровья, развитие готовности самостоятельно поддерживать свое здоровье на основе использования навыков личной гигиены»*** (насколько обоснованно считать проблему боязни детей обращаться к врачам столь масштабной и критической, что нужно закреплять в Стандарте такую задачу?).

Полагаем, что подобного рода формулировки Стандарта, позволяющие правоприменителям толковать их чрезмерно широко, без установления ограничений, направленных на защиту традиционных нравственных, в том числе семейных, ценностей, могут нанести серьезный урон нравственности подрастающего поколения и институту семьи.

8. Осуществление в Стандарте подмены и выхолащивания смысла и позитивного содержания решения Президента Российской Федерации от 21.07.2009 о введении в школах изучения основ религиозной культуры.

В рассматриваемом Стандарте школьного образования выхолащивается смысл и позитивное содержание решения Президента Российской Федерации от 21.07.2009 о введении в школах изучения основ религиозной культуры, что дискредитирует главу государства в глазах миллионов граждан, которые с одобрением восприняли указанное решение. В Стандарте проигнорированы договоренности, достигнутые в рамках встречи Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с руководителем Администрации Президента РФ С.Е. Нарышкиным, первым заместителем руководителя Администрации Президента РФ В.Ю. Сурковым и министром образования и науки РФ А.А. Фурсенко от 19.03.2009, закрепленные в протоколе этой встречи о том, чтобы ввести «в рамках духовно-нравственной образовательной области» избираемые родителями школьников для их обучения учебные курсы религиозной культуры (православной, либо исламской и др.), а также, в качестве альтернативы, курс нерелигиозной этики или полирелигиоведческий курс.

Установленные в пункте 12.4 Стандарта требования к предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России» являются фактически искажением и подлогом содержания указанной инициативы Президента России, поскольку школьникам навязывается общеобязательный предмет вульгарно-секуляристского религиоведения. Как следует из пункта 12.4, строки 4 таблицы пункта 19.3, а также пункта 19.6 Стандарта, вместо православной культуры школьники, родители которых добровольно и осознанно выбрали для изучения ими именно этот предмет, получают идеологизированный суррогат, имеющий отдаленное отношение к изучению православной культуры. При этом подменяется содержание предмета (или, точнее элемента внедряемого единого смешанного, «кассетного» предмета) «Православная культура» и в целом всей предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России» на вульгарно-секуляристское религиоведение псевдонаучного характера, насыщенное сомнительными идеологическими установками.

По существу, Стандартом устанавливается, что всем детям при изучении любого из предметов конкретной религиозной культуры будут насильно навязываться знания о множестве религий сразу, не учитывая мнение родителей детей и их самих, грубо нарушая их свободу совести.

В Стандарте устанавливается, что у всех детей независимо от их выбора будут формироваться *«первоначальные представления о светской этике, о традиционных религиях»*, *«первоначальные представления об исторической роли традиционных религий в становлении российской государственности»* (подпункты 4 и 5 пункта 12.4), будет формироваться *«готовность к духовному саморазвитию»* (подпункт 1 пункта 12.4) – очевидно, **в рамках** прослеживаемых по тексту Стандарта сомнительных и расплывчатых идеологических установок. Все эти требования не имеют прямого отношения к изучению основ, ценностей и традиций конкретных религиозных культур, что, собственно, должно составлять преобладающее содержание занятий по основам конкретной религиозной культуры, начальное представление о духовных ценностях.

Стандарт закрепляет задачу воспитания у детей *«нравственности, основанной на свободе совести и вероисповедания»* (подпункт 6 пункта 12.4), а не нравственности, основанной на культурных традициях народов России. Мало того, что это положение само по себе абсурдно (так же, как, например, основанная на свободе передвижения или на свободе выбора профессии *«нравственность»*), оно предусматривает свободный допуск в школы любых ценностных ориентаций, не исключая религиозного сатанизма и оккультизма, вероучений любых самых изуверских сект, поскольку свобода совести, сама по себе, юридически не препятствует распространению такого рода деструктивных религиозных убеждений.

В подпункте 1 пункта 10 Стандарта предусмотрено становление у детей неясных по значению идеологических *«гуманистических ценностных ориентаций»*, в пункте 13 – *«гуманизма»*, как одного из *«результатов индивидуальных достижений обучающихся, не подлежащих итоговой оценке качества освоения основной образовательной программы начального общего образования»*.

Полагаем, что такие формулировки, позволяющие правоприменителям толковать их чрезмерно широко, без установления ограничений, направленных на защиту свободы мировоззренческого выбора детей и защиту прав их родителей, могут привести к навязыванию так называемой *«гуманистической идеологии»* (в духе *«Гуманистического манифеста 2000»*⁸³), не

⁸³ Гуманистический манифест 2000 // «Кредо» (журнал Оренбургского регионального отделения Российского философского общества). – 2000. – № 20. Подробнее см.: Понкин И.В., Кузнецов М.Н. Бесчестная дискуссия о религиозном образовании в светской школе: ложь, подмены, агрессивная ксенофобия. – М.: Изд-во Учебно-научного центра довузовского образования, 2005. – С. 143–161.

имеющей никакого отношения к понятию гуманизма в смысле ценности человека, человечности, зато направленной на разрушение нравственных и культурных ценностей и традиций, в частности – пропагандирующей отказ от государственного суверенитета, позитивность гомосексуализма, инцеста и эвтаназии.

Установление «толерантности» в качестве одного из основных планируемых результатов индивидуальных достижений обучающихся (пункты 7 и 13), без уточнения ценностной основы этого понятия и установления его определения, так же вызывает значительные сомнения, поскольку уже сегодня фиксируются достаточно многочисленные факты вторжения в школы так называемой «идеологии толерантизма», направленной, в частности, на формирование «толерантного отношения» к сексуальным извращениям, педофилии, детской проституции, употреблению наркотиков⁸⁴.

Эти сомнения усиливаются тем, что Стандарт предусматривает *«становление мировоззрения обучающихся»* (абзац 2 пункта 8), а не способствование становлению мировоззрения обучающихся (!) в процессе реализации ступени начального общего образования и деятельность учреждения образования, направленную на достижение «принятия» обучающимися комплекса установок и ценностей (абзац 4 пункта 8). Это является нарушением статей 13, 14, 28 и 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующих свободу совести, вероисповедания, мысли, а также светскость государства в Российской Федерации.

Кроме того, согласно пункту 19.6, *«программа духовно-нравственного развития, воспитания обучающихся на ступени начального общего образования»* должна:

предусматривать *«приобщение обучающихся к культурным ценностям своей этнической или социокультурной группы, базовым национальным ценностям российского общества, общечеловеческим ценностям в контексте формирования у них гражданской идентичности»*,

«содержать перечень планируемых результатов воспитания – формируемых ценностных ориентаций, социальных компетенций, ... рекомендации ... по ознакомлению с общечеловеческими ценностями мировой культуры, духовными ценностями отечественной культуры, нравственно-этическими ценностями многонационального народа России и народов других»

⁸⁴ Описание конкретных случаев см. в: Гражданско-правовая, конституционно-правовая и уголовно-правовая охрана нравственности: Сборник / Отв. ред. и сост. д.ю.н., проф. М.Н. Кузнецов, д.ю.н. И.В. Понкин. – М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2009. – 704 с. (Сборник доступен на сайте www.moral-law.ru).

стран; по формированию у обучающихся ... ценностных ориентаций общечеловеческого содержания, ... по формированию и расширению опыта позитивного взаимодействия с окружающим миром, воспитание основ правовой, эстетической, физической и экологической культуры».

Из процитированных фрагментов обоснованно следует вывод о том, что содержание Программы духовно-нравственного развития, воспитания обучающихся (пункт 19.6) и связанной с нею предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (строка 4 таблицы пункта 19.3):

- ориентировано Стандартом преимущественно на *«контекст формирования у детей гражданской идентичности»* (помещение в контекст содержательно совершенно иной сферы неминуемо влечет превращение духовно-нравственного образования в профанацию);

- намеренно и совершенно необоснованно размыто неназванными и неконкретизированными *«базовыми национальными ценностями российского общества»* и даже *«нравственно-этическими ценностями народов других стран»*, а также правовым, экологическим и физическим воспитанием (что приводит к уменьшению роли собственно духовно-нравственного образования в общем объеме содержания указанной программы и указанной предметной области);

- отрывается от национальных культурных корней и традиций конкретных народов России, к которым относят себя обучающиеся и их родители, и акцентируется на формировании у детей неких неназываемых и неконкретизируемых по содержанию *«ценностных ориентаций общечеловеческого содержания»* и на приобщении детей в первую очередь к так же неназываемым и неконкретизируемым *«общечеловеческим ценностям»*.

Подпункт 2 пункта 10 вообще предусматривает формирование (принудительное) у детей *«целостного ... взгляда на мир в его органичном единстве ... религий»*. Поскольку в реальном мире никакого «органичного единства религий» не существует (не следует путать с нормальными отношениями, выстраиваемыми сегодня в России между различными религиозными организациями исторически представленных в стране религий), то этот пункт следует понимать именно как указание на формирование в сознании школьников мировоззренческой смеси, неадекватной картины мира, что является посягательством на их конституционные права и свободы.

Таким образом, рассматриваемым Стандартом фактически подменено содержание решения Президента Российской Федерации от 21.07.2009 о введении в школах изучения основ религиозной культуры, поддержанное руководителями религиозных организаций исторически представленных в России традиционных религий. В

соответствии с указанными положениями Стандарта, вместо избранной родителями для изучения их ребенком конкретной религиозной культуры дети вынуждены будут совместно изучать множество разных религий и против своей воли усваивать сведения, имеющие очень отдаленное отношение к конкретной религиозной культуре. Это противоречит конституционной гарантии свободы совести (статья 28 Конституции РФ), согласно которой недопустимо навязывание религиозной информации, совершаемое против желания детей и их родителей!

В этом смысле, Стандарт противоречит своему же положению о том, что лежащий в его основе подход *«предполагает воспитание и развитие качеств личности, отвечающих задачам построения демократического гражданского общества на основе... уважения многонационального, поликультурного и поликонфессионального состава российского общества»* (абзац 2 пункта 7), а также положению о том, что *«Программа духовно-нравственного развития, воспитания обучающихся на ступени начального общего образования должна предусматривать приобщение обучающихся к культурным ценностям своей этнической или социокультурной группы»* (пункт 19.6).

В целом, посыл о том, что навязывание школьникам эклектичной вульгарно-секуляристской религиозоведческой смеси может иметь какой бы то ни было положительный воспитательный эффект, является ошибочным, так как при этом из сознания обучающихся вытесняются духовные ценности, свойственные религии обучающихся, и разрушается их национальная идентичность.

Это всего лишь фантазии, реализующие приём подмены факта сомнительным субъективным мнением лиц, осуществляющих борьбу за источники финансирования и за возможность навязывания детям своих идеологий, поправ конституционные нормы.

Такое навязывание мировоззренческой смеси (мировоззренческого оксюморона – сочетания несочетаемого), очень сложной в восприятии даже взрослых людей и явно избыточной для их культурного развития, четвероклассникам и пятиклассникам противоречит положению Стандарта о том, что лежащий в его основе подход *«предполагает ... учет индивидуальных возрастных, психологических ... особенностей обучающихся»* (абзац 6 пункта 7).

Очевидно также, что в Стандарте проигнорировано требование Президента России обеспечить добровольность выбора детьми и их родителями предмета конкретной религиозной культуры и недопустимость принуждения. В результате, установленный в Стандарте механизм реализации предмета «Православная культура» (или точнее, элемента единого «кассетного» предмета) будет побуждать православные семьи массово отказываться от посещения

их детьми этого учебного предмета и станет причиной социального конфликта и протестов в российском обществе.

Следовательно, в части предметной области «Основы духовно-нравственной культуры России» Стандарт противоречит статьям 28, 29, 14 и 13 Конституции Российской Федерации, пункту 4 статьи 2 Закона РФ «Об образовании», статьям 3 и 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Прежде всего, нарушается запрет обучения малолетних детей религии вопреки их воле и без согласия их родителей или лиц, их заменяющих (пункт 5 статьи 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»).

9. Игнорирование Стандартом необходимости обеспечения безбарьерной, эргономически и психологически благоприятной школьной среды для детей-инвалидов.

Стандарт не отвечает современным требованиям по обеспечению безбарьерной школьной среды для детей-инвалидов.

Редкие декларативные упоминания о детях с ограниченными возможностями здоровья в пункте 2, содержащем декларацию о том, что *«стандарт учитывает образовательные потребности детей с ограниченными возможностями здоровья»* (как учитывает?); в пункте 6, устанавливающем, что *«стандарт направлен на обеспечение условий для эффективной реализации и освоения обучающимися основной образовательной программы начального общего образования, в том числе обеспечение условий для индивидуального развития детей с ограниченными возможностями здоровья»*; в пункте 7, согласно которому *«в основе Стандарта лежит системно-деятельностный подход, который предполагает ... разнообразие организационных форм и учет индивидуальных особенностей каждого обучающегося (включая ... детей с ограниченными возможностями здоровья)»*; в пункте 19.3, устанавливающем, что *«для развития потенциала обучающихся, прежде всего ... детей с ограниченными возможностями здоровья, могут разрабатываться с участием самих обучающихся и их родителей (законных представителей) индивидуальные учебные планы»*; в подпункте 3 пункта 25, устанавливающем, что *«материально-технические условия реализации основной образовательной программы начального общего образования должны обеспечивать ... возможность для беспрепятственного доступа обучающихся с ограниченными возможностями здоровья к объектам инфраструктуры образовательного учреждения»*; в пункте 19.8, определяющем, что *«программа коррекционной работы должна быть направлена на обеспечение коррекции недостатков в физическом и (или) психическом развитии детей с ограниченными*

возможностями здоровья и оказание помощи детям этой категории в освоении основной образовательной программы начального общего образования», и задачи такой программы, не решают основных задач обеспечения и развития инклюзивности образования, задач создания эргономически и психологически благоприятной школьной среды и мн. др.

Важно не столько обеспечить возможность ребенка-инвалида добраться к какому-то школьному объекту, сколько создать среду, которая эргономически благоприятствовала бы оптимальной интеграции детей-инвалидов (может, исключая какие-то совсем уже тяжелые случаи) в сообщество здоровых детей-сверстников.

В этом смысле, Стандарт никак не учитывает и не воспринимает существующий многолетний успешный опыт решения проблем обеспечения образовательного процесса детей с ограниченными возможностями здоровья, не создает систему оказания адресно-ориентированной помощи участникам образовательного процесса, связанного с обучением лиц с ограниченными возможностями здоровья в начальном школьном образовании.

По существу, стандарт по-прежнему оставляет детей-инвалидов невольными изолянтами в отечественной системе школьного образования.

Вывод.

Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 6 октября 2009 г. № 373, имеет множество существенных недостатков, в том числе концептуального и юридического характера, противоречит Конституции Российской Федерации и ряду федеральных законов, ведет к нарушению прав и законных интересов граждан России, по многим направлениям прямо способствует деградации школьного образования.

* * *

Понкин И.В. Краткий обзор ситуации вокруг противоправной деятельности телеканала «2x2»⁸⁵

Телепрограмма «Телеканал “2x2” Москва» (ЗАО «Телеканал 2x2») осуществляет вещание с 01.04.2007. Заявляемый концепт телеканала – показ исключительно анимационной продукции, преимущественно – для взрослой аудитории. Тем не менее, по заявлениям руководителей телеканала, приоритетной аудиторией являются и несовершеннолетние в возрасте от 11 до 18 лет. Вещание осуществляется некодированным сигналом, более того, посредством рекламных и медийных технологий, телеканал старательно привлекает аудиторию малолетних детей.

Вещание осуществляется по кабельным сетям в качестве регионального телевещателя в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а также в пакетах спутниковых телеканалов еще в ряде субъектов Российской Федерации (Республика Башкортостан и др.).

В течение 2,5 лет телеканал транслировал и продолжает транслировать аудиовизуальные материалы – анимационные сериалы:

1) возбуждающие религиозную, национальную и расовую ненависть и вражду, унижающие человеческое достоинство граждан по признаку отношения к религии, национальности или расе:

«Южный парк» (сери: «Рождественские песенки от мистера Говняшки» (выпуск 15 сезона 3); «Мистер Хэнки, рождественская кашка» (выпуск 10 сезона 1); «Очень дерьмовое Рождество» (выпуск 17 сезона 4); «Падение Красных Саней» (17-й выпуск 6-го сезона); «Самопроизвольное возгорание» (выпуск 2 сезона 3); «Попадают ли умственно отсталые в ад?» (выпуск 9

⁸⁵ **Понкин Игорь Владиславович** – доктор юридических наук, член Общественного совета при МВД России, заместитель председателя Комиссии по проблемам безопасности, защиты прав ребенка и других участников образовательного процесса Общественной палаты по образованию в городе Москве, директор Института государственно-конфессиональных отношений и права.

Материал от 10.09.2009.

Статья посвящена исследованию контента эфира телепрограммы «Телеканал “2x2” Москва» (ЗАО «Телеканал 2x2»).

Ключевые слова: вещание, телеэфир, религиозная ненависть, вражда, экстремизм, борьба с педофилией.

The article analyzes the content of broadcast TV «Channel “2x2” Moscow».

Keywords: broadcast, live broadcast, religious hatred, enmity, extremism, fight against pedophilia.

сезона 4), «Мультипликационные войны, часть II» (выпуск 4 сезона 10); «Мультипликационные войны, часть I» (выпуск 3 сезона 10); «Дэмиэн» (выпуск 8 сезона 1); «Кошмарный Марвин» (выпуск 9 сезона 1); «Июбилей» (выпуск 9 сезона 3) и др.);

«Папский городок» (все серии);

«Очень Американское ТВ» (ряд серий);

«Иммигранты» (ряд серий);

«Гетто» (ряд серий).

Так, в демонстрируемых телепрограммой «Телеканал “2x2” Москва» анимационных сериалах:

- используются оскорбительные обценные сравнения в отношении определенного круга лиц по национальному или религиозному признаку, например, христианский праздник Рождества Христова оскорбительно сравнивается с фекалиями, а вкушение рождественской пищи сравнивается с поеданием испражнений (фильм «Рождественские песенки от мистера Говняшки» из сериала «Южный парк», третий сезон, пятнадцатый выпуск);

- евреи-иудаисты оскорбительно называются «дебилами» (фильм «Рождественские песенки от мистера Говняшки» из анимационного сериала «Южный парк», третий сезон, пятнадцатый выпуск);

- афганцы-мусульмане оскорбительно называются оскорбительным словом «пескотрахи», а евреи многократно оскорбительно называются «жидами» (анимационный сериал «Южный парк»);

- религиозные обычаи верующих евреев-иудаистов называются «отстоем» и с использованием оскорбительного слова «блевкательно» (производное от глагола «блевать») (фильм «Рождественские песенки от мистера Говняшки» из анимационного сериала «Южный парк», третий сезон, пятнадцатый выпуск);

- осуществляется оскорбительное, дисфорическое высмеивание целых социальных групп по национальному и религиозному признакам посредством помещения собирательных образов их представителей в абсурдные, заведомо оскорбительные ситуации, ложного приписывания им явно негативных и осуждаемых обществом характеристик, культурно пониженной лексики (весь сюжет мультфильма «Мультипликационные войны, часть II» анимационного сериала «Южный парк» (десятый сезон, выпуск четвертый); полностью сюжеты мультфильмов «Двойник», «Поездка», «Государственный визит», «Большой бой», «Семейное дело» и мн. др. из анимационного сериала «Папский городок»);

- осуществляется порочение целых социальных групп по национальному и религиозному признакам посредством необоснованного приписывания собирательным образам их

представителей или реальным их представителям качеств психически неполноценных лиц (ряд сцен мультфильмов «Двойник», «Поездка», «Государственный визит», «Большой бой», «Семейное дело» и мн. др. из анимационного сериала «Папский городок», клеветнически и оскорбительно выставяющих психически ненормальным в очень тяжелой степени заболевания Папу Римского, а также приписывающих качества психически ненормальных лиц широкому, неопределенному кругу католических священнослужителей (например, в серии «Большой бой»));

- используются обценные аудиовизуальные сцены, показывающие и заявляющие, что будто бы поедание испражнений является обычным и непредосудительным занятием верующих определенной религии (сцена поедания детьми из христианских семей, празднующими Рождество Христово, испражнений в мультфильме «Рождественские песенки от мистера Говняшки» из сериала «Южный парк» (третий сезон, пятнадцатый выпуск); близкая к финалу мультфильма «Мультипликационные войны, часть II» анимационного сериала «Южный парк» (десятый сезон, выпуск четвертый), в которой персонаж «Иисус» вместе с другими персонажами сцены заявляет о кусках испражнений, что это – «вкусные каки», то есть заявляет о том, что уже попробовал их; сцена мультфильма «Государственный визит» из анимационного сериала «Папский городок», в которой персонаж «Папа Римский» поедает собственные испражнения);

- используются иные обценные видеоряды или тексты анально-эскрементального содержания в целях дисфорического высмеивания и максимально болезненного оскорбления религиозных чувств верующих и унижения их человеческого достоинства (мультфильм «Мультипликационные войны, часть II» анимационного сериала «Южный парк» (десятый сезон, выпуск четвертый), в котором некто, именуемый в мультфильме и именующий себя как «Иисус», бросается фекалиями в других лиц; сцена мультфильма «Государственный визит» из анимационного сериала «Папский городок», в которой персонаж «Папа Римский» испражняется под себя, рисует собственными испражнениями «картины» – как типичное его поведение);

2) пропагандирующие, оправдывающие педофилию и/или содержащие кадры детской порнографии:

«Крутой учитель Онидзука» (серии: «Урок пятый “Глаз за глаз, зад за зад”»; «Урок одиннадцатый “Как стать звездой”»; «Урок тринадцатый “Нам нужен самый лучший”» и др.);

«Южный парк» («Правильное использование презерватива» (выпуск 7 сезона 5) и др.);

«Мультреалити»;

«Приключения Большого Джеффа» (серии: «Ребенок»; «Волидонгский фестиваль» и др.);

«Стриперелла»;

«38 обезьян» (по крайней мере, одна из серий);

3) навязывающие детям гомосексуализм:

«Южный парк» (серии: «Большой Эл-гомосек и его гомояхта» (выпуск 4 сезона 1); «Два голых парня в горячей ванне» (выпуск 8 сезона 3); «Возможно» (выпуск 10 сезона 4); «Четвёртый класс» (выпуск 11 сезона 4) и др.);

«Мультреалити»;

«Большой Джефф»;

«Гетто»;

4) пропагандирующие зоофилию:

«Южный парк» (серия «Правильное использование презерватива» (выпуск 7 сезона 5) и др.);

5) пропагандирующие культ насилия и жестокости:

«Маленькие лесные друзья»;

«Южный парк»;

«Василиск»;

«Металлопокалипсис»;

«Тетрадь смерти»;

«АТНФ» («AquaTeen Hunger Force»);

«Самурай Чамплу»;

«Братья-потрошители»;

«Крутой учитель Онидзука»;

«Очень Американское ТВ»;

«Поллитровая мышь»;

«38 обезьян»;

6) пропагандирующие терроризм:

«38 обезьян» (по крайней мере, одна из серий);

7) сериалы, показ которых является грубым нарушением общественного порядка, выражающим явное неуважение к обществу, оскорблением общественной нравственности (помимо указанных аспектов):

«Южный парк» («Картман и анальный зонд» (выпуск 1 сезона 1); «Смерть» (выпуск 6 сезона 1); «Слон занимается любовью со свиньёй» (выпуск 5 сезона 1); «Два голых парня в горячей ванне» (выпуск 8 сезона 3); «Возможно» (выпуск 10 сезона 4); «Четвёртый класс» (выпуск 11 сезона 4) и др.);

«Рен и Стимпи»;

«Мультреалити»;

«Крутой учитель Онидзука»;

8) помимо указанных, сериалы, наносящие вред здоровью, нравственному и духовному развитию детей:

«Злобный Мальчик»;
«Современные отбросы»;
«Шоу уродов»;
«Ленор: маленькая мертвая девочка»;
«Бивис и Баттхед».

Помимо этого, Телепрограмма «Телеканал “2x2” Москва» осуществляла демонстрацию аудиовизуальных материалов со скрытыми вставками и использованием иных технических приемов и способов распространения информации, воздействующих на подсознание людей. В основном выявленные вставки являлись частью рекламы серий анимационного сериала «Dethklok» («Metalocalypse»). 31.08.2008 в 16 часов 26 минут 48 секунд по московскому времени в пакете кадров (в секунду транслируется примерно 24-25 кадров) телепрограммой «Телеканал “2x2” Москва» была произведена вставка и, соответственно, публичная трансляция изображения (4 или 5 кадров из 24) парада нацистских войск гитлеровской Германии (по мнению специалистов-историков, показано событие въезда Адольфа Гитлера в Вену, происшедшее приблизительно в интервале 1937–1938 гг.), на продемонстрированном кадре четко видно многочисленное использование зафиксированными на кадре людьми так называемого «римского приветствия» (официальный жест приветствия в нацистской Германии 1933-1945), зафиксированные на кадре люди одеты в форму нацистских штурмовиков, партийных функционеров НСДАП, военнослужащих Рейхсвера и войск СС (или их предтечи). В открытой головной машине колонны находится, скорее всего, Адольф Гитлер. Это же изображение в виде 1 кадра было вставлено и публично продемонстрировано телепрограммой «Телеканал “2x2” Москва» в пакете кадров 07.09.2008 в 15 часов 10 минут 24 секунды, что дает основания говорить о систематичности преступной деятельности редакции телепрограммы «Телеканал “2x2” Москва» по пропаганде нацизма, причем с использованием методов психологического насилия, поскольку воздействие на подсознание человека посредством использования специальных приемов (условно называемых «двадцать пятым кадром») как раз и является формой психологического насилия. Публичная трансляция телепрограммой «Телеканал “2x2” Москва» данного кадра в качестве вставки (один кадр) является преступной пропагандой нацизма и, согласно Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ с послед. изменениями (пункт «б» статьи 1), является преступной экстремистской деятельностью, образует состав преступления, предусмотренного статьями 282 и 282.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (Заявление Общественного комитета по правам человека от 17.10.2008).

4 марта 2008 года Россвязьохранкультура вынесла официальное письменное предупреждение редакции телепрограммы «Телеканал «2x2» Москва» о недопустимости нарушения законодательства Российской Федерации. Предупреждение было направлено за подписью заместителя руководителя Россвязьохранкультуры С.К. Ситникова в связи с показом телеканалом «2x2» двух мультсериалов: «Маленькие лесные друзья» и «Большой Джефф».

21 мая 2008 г. в вечернем эфире редакция телепрограммы «Телеканал 2x2» осуществила трансляцию в открытом эфире мультфильма «Mr. Hankey's Christmas Classics» из сериала «Южный парк» (это был уже, как минимум, повторный показ этой серии, предыдущий показ состоялся 9 января 2008 года). Указанный мультфильм возбудил религиозную вражду и жестоко унижил человеческое достоинство граждан по признаку отношения к религии (христианству). По оценкам экспертов, главной целью этого мультфильма и определяющей сутью его сюжета, а равно главной целью его создания и публичной демонстрации, в данном случае – демонстрации телепрограммой «Телеканал «2x2» Москва» (ЗАО «Телеканал «2x2»), являлось целенаправленное возбуждение религиозной ненависти и вражды посредством изощренного издевательства, надругательства над верующими христианами, мусульманами и иудаистами, циничного оскорбления их религиозных чувств, жестокого унижения чести и достоинства верующих указанных религий по религиозному признаку, дисфорического высмеивания и злобных издевательств над сакральным или религиозно значимым для верующих указанных религий, формирования клеветнически искаженного, ложного образа указанных религий, их традиций и их верующих. 22 августа 2008 года Басманная межрайонная прокуратура на основе результатов проверки по факту трансляции 9 января 2008 года в эфире телеканала «2x2» серии мультфильма «Южный парк» (про «мистера Говняшку») вынесла гендиректору телеканала «2x2» предупреждение о недопустимости распространения экстремистских материалов в средствах массовой информации (сообщение об этом начало освещаться с 8 сентября 2008 г.). Межрайонной прокуратурой в Басманный районный суд Москвы на основании федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» было направлено заявление о признании содержания указанной выше серии мультфильма «Южный парк» экстремистским материалом. Процесс продолжается.

На этом действия правоохранительных и надзорных органов иссякли. На все обращения граждан и организаций с требованиями пресечь противоправную деятельность телеканала «2x2» Федеральная служба по надзору в сфере связи и массовых

коммуникаций и органы прокуратуры в подавляющем большинстве случаев отвечают отписками, обеляющими самые вопиющие образцы аудиовизуальной продукции, транслируемой указанным телеканалом.

В июне 2009 г. Басманный суд Москвы отменил предупреждение об экстремизме телеканалу «2x2», вынесенное ранее Басманной прокуратурой. Решением Мосгорсуда указанное решение Басманного суда было оставлено в силе.

Более того, отдельные представители правоохранительных органов, полагаем, в целях защиты противоправной деятельности телеканала «2x2», неоднократно противоправно оказывали давление на критиков и заявителей, выступающих за прекращение преступной деятельности указанного телеканала. Так, указанное давление оказывалось на председателя Общественного комитета по правам человека Т.А. Квитковскую. А в феврале 2009 года с заместителем председателя Российского объединенного союза христиан веры евангельской (пятидесятников) К.В. Бендасом, неоднократно выступавшим против противозаконного показа телепрограммой «Телеканал «2x2» Москва» кадров, пропагандирующих гитлеровский нацизм, анимационных фильмов, возбуждающих религиозную ненависть и вражду и унижающих человеческое достоинство граждан по признаку отношения к религии, в связи с этим оперуполномоченным СКМ УВД ЮАО г. Москвы были проведены «процессуальные действия», направленные, как сообщил К.В. Бендас со слов означенного оперативника, на выяснение, не создавался ли Российский объединенный союз христиан веры евангельской (пятидесятников) «в экстремистских целях» и для «возбуждения вражды» к телеканалу «2x2».

Телеканал «2x2», продолжая оставаться наиболее масштабным и эффективным средством пропаганды культа насилия и жестокости, пропаганды экстремизма (в том числе нацизма) и формирования у своей аудитории установок экстремистского характера, пропаганды педофилии, гомосексуализма, иных сексуальных извращений, а также демонстрации кадров детской порнографии, существенно расширяет ареалы своего вещания и масштабы привлекаемой аудитории.

* * *

Наринян Л.М. Налоговая ответственность несовершеннолетних⁸⁶

Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г., как акт всеобъемлющий, определяющий основные начала правового регулирования всех сфер общественных отношений, в статье 57 закрепляет обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы.

При этом, особенность всех конституционных норм, носящих обязывающий характер, состоит в том, что, по своей сути, они представляют собой усеченную правовую конструкцию и состоят лишь из диспозиции.

Конституция РФ не содержит и мер ответственности за нарушение соответствующих её норм.

Однако, закрепленная в статье 57 Конституции РФ обязанность рождает отрасль налогового права Российской Федерации, основным законодательным актом которой является Налоговый кодекс РФ.

Исторически так сложилось, что главным побудительным мотивом уплаты налогов является не сознательность налогоплательщиков, а меры принуждения, которые могут быть

---

⁸⁶ **Наринян Левон Мартикович** – аспирант кафедры финансового права Российской академии правосудия, помощник судьи Арбитражного суда Московской области.

В статье рассматривается возможность и необходимость привлечения лиц, не достигших шестнадцати лет к налоговой ответственности. Обозначены основные подходы к определению момента возникновения налоговой дееспособности у физических лиц, её связи с гражданско-правовой и трудовой дееспособностью. Рассмотрены различные пути решения вопроса об исполнении обязанности по уплате налогов налогоплательщиками, не подлежащими привлечению к налоговой ответственности.

Ключевые слова: налоговые правоотношения; субъекты налоговых правоотношений; несовершеннолетние; дееспособность; правоспособность; налоговая ответственность; обязанность по уплате налога; налоговый агент; родители и иные законные представители.

In this article are examined the possibilities and the necessity of making person under sixteen years old tax liable. In the article are defined main approaches to the definition of the moment of the origin of tax legal capacity by natural person, and its relations with the civil legal capacity and labour legal capacity. Different ways of solving the problem of execution of tax duty by non-responsible taxpayers are also reviewed in the article.

Keywords: Tax relationship, parties of tax legal relationship, minors, legal capacity, tax responsibility, duty to pay taxes, parents and other holders of power.

применены государством при выявлении нарушений законодательства о налогах и сборах. Одной из форм государственного принуждения является налоговая ответственность.⁸⁷

Не вдаваясь в дискуссию о правовой природе налоговой ответственности, предлагаем большее внимание уделить субъекта налоговой ответственности.

Однако, чтобы определиться с указанной категорией, необходимо выяснить, каждый ли субъект налоговых правоотношений может и должен нести налоговую ответственность.

В данной связи возникает вопрос об определении налоговой деликтоспособности, то есть способности нести ответственность за совершенные правонарушения.

Согласно мнению большинства ученых, деликтоспособность является составной частью дееспособности, а последняя, в свою очередь, составной частью правосубъектности.

Если ситуация с приобретением правосубъектности юридическим лицом (организацией в терминологии НК РФ) достаточно ясна – они приобретают её с момента регистрации, то применительно к физическим лицам подобная ситуация обстоит достаточно непросто.

Налоговый кодекс РФ в отличие от Гражданского кодекса РФ не дает четких понятий правоспособности, дееспособности, деликтоспособности.

В теории права принято считать, что правоспособность физического лица состоит в наличии у него прав, закрепленных в законодательстве, в частности, права налогоплательщиков закреплены в статье 21 НК РФ. Однако, как верно отмечает С.Г. Пепеляев, «... права, которыми пользуется гражданин в сфере налоговых отношений, по существу носят производный от обязанностей характер».⁸⁸ Данная особенность вытекает из декларированной в статье 57 Конституции РФ обязанности платить законно установленные налоги и сборы, а также из охранительного характера всей отрасли налогового права.

В силу указанной выше специфики налоговой правосубъектности, основную роль в налоговых правоотношениях играет не только возможность своими действиями самостоятельно приобретать права и нести обязанности, но и возможность привлечения физического лица к ответственности, возможность

---

⁸⁷ См.: Макаров А.В., Архипенко Т.В. Характеристика налоговой ответственности. Санкции за нарушение налогового законодательства // Финансовое право. – 2005. – № 6. – С. 20.

⁸⁸ Пепеляев С.Г. Гражданин как субъект финансово-правовых отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1991.

принудительного исполнения его обязанности по уплате налогов и сборов, то есть его деликтоспособность как составная часть дееспособности. В пункте 2 статьи 107 НК РФ установлено лишь, что физическое лицо может быть привлечено к налоговой ответственности с шестнадцатилетнего возраста. Иных положений, каким-либо образом конкретизирующих или расширяющих понятие дееспособности или деликтоспособности, Налоговый кодекс РФ не содержит.

При этом несколько абсурдным остается соотношение декларированной в Конституции РФ обязанности уплачивать налоги и отсутствие ответственности за их неуплату у отдельной группы налогоплательщиков.

В этой связи обоснованной представляется позиция В.В. Витрянского и С.А. Герасименко, которые совершенно справедливо замечают, что обязанность уплатить налог возникает у лица после появления у него соответствующего объекта, подлежащего обложению налогом.⁸⁹

Нельзя не согласиться и с мнением Д.В. Винницкого, который также отмечает, что налоговую дееспособность (и возраст её наступления) нельзя определять как производную от гражданской и трудовой в связи существованием не только личных, но и реальных налогов.⁹⁰

Иными словами, налог, как фискальный инструмент, теснее связан не с личностью плательщика, а также её правовым оформлением, а с объектом, на который он начисляется (имущество разных видов, доход).

В.А. Яговкина также считает, что момент возникновения налоговой дееспособности у граждан можно оспаривать, что вызывает необходимость закрепления правовой нормы соответствующего содержания в Налоговом кодексе РФ.⁹¹

Итак, учитывая возможность малолетних обладать налогооблагаемыми объектами, нерешенным остается вопрос о возможности привлечения таких субъектов к налоговой ответственности, ввиду того, что в статье 107 НК РФ четко определяется, что деликтоспособность физических лиц наступает по достижении ими шестнадцатилетнего возраста.

---

⁸⁹ Витрянский В.В., Герасименко С.А. Налоговые органы, налогоплательщик и гражданский кодекс. Арбитражно-судебная практика. – М.: Изд-во Международного центра финансово-экономического развития, 1995.

⁹⁰ Винницкий Д.В. Субъекты налогового права Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. – Екатеринбург, 1999.

⁹¹ Яговкина В.А. Субъекты и иные участники налоговых правоотношений // Научные труды РАЮН. – В 3-х томах. – М.: Юрист, 2003. – Вып. 3. – Т.3. – С. 599–606.

По нашему мнению в налоговом законодательстве, применительно к лицам, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, отсутствует связка «обязанность – ответственность».

Иными словами, отсутствуют такие карательная и превентивная функции налоговой ответственности. При наличии обязанности уплатить налог, его неуплата не будет влечь негативные последствия для субъекта налогового правонарушения в связи с его отсутствием.

Как указал Конституционный суд Российской Федерации в Постановлении от 13 марта 2008 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений подпунктов 1 и 2 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Аникина, Н.В. Ивановой, А.В. Козлова, В.П. Козлова и Т.Н. Козловой» несовершеннолетние дети обязаны в силу Гражданского кодекса РФ нести бремя содержания принадлежащего им имущества (статья 210), включая участие в уплате налогов в отношении этого имущества (статья 249).

Согласно пункту 1 статьи 64 Семейного кодекса Российской Федерации родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами.

Согласно мнению Конституционного суда РФ, это предполагает обязанность совершения от имени несовершеннолетних необходимых юридических действий родителями, в том числе применительно к обязанности по уплате налогов.

Иными словами, Конституционный суд РФ восполняет недостатки дееспособности несовершеннолетних путем возложения обязанности по уплате налога на родителей или иных законных представителей.

Действительно, Д.В. Винницкий еще в 1999 году отмечал, что решение проблемы «нестыковки» налоговой дееспособности с гражданской и трудовой лежат на поверхности и уже найдено законодателем. Соответствующие налоговые обязанности и права лиц в возрасте до шестнадцати лет могут реализовывать их законные представители.⁹²

Безусловно, налоговые органы не будут возражать против добровольного исполнения обязанности по уплате налога, кто и из чьих бы средств этот налог не уплачивал.

Но что делать, если налог не уплачен, собственником того или иного имущества является лицо, не достигшее 16 лет, требование об уплате налога выставлено на него же? Законодательно закрепленные правовые возможности привлечения такого лица к налоговой

---

⁹² Винницкий Д.В. Субъекты налогового права Российской Федерации.

ответственности отсутствуют. Родителя или иного законного представителя субъекта, не достигшего 16 лет, также не представляется обоснованным привлекать к налоговой ответственности в силу того, что гражданское законодательство Российской Федерации, к которому нас отсылает норма пункта 2 статьи 27 Налогового кодекса РФ о законных представителях налогоплательщика физического лица, не содержит положений о какой-либо ответственности родителей либо иных законных представителей лиц до 16 лет в рамках налогового законодательства.

Иное понимание данного вопроса можно лишь с большим трудом сформировать, обратившись к уже упомянутому в настоящей статье постановлению Конституционного суда РФ, в котором говорилось о бремени содержания имущества несовершеннолетними и необходимости совершения соответствующих действий по уплате налога их родителями, что, однако, представляется очень сомнительным, учитывая тот факт, что указанное постановление преследовало совершенно иную цель, а именно разъяснить право родителя, приобретшего за счет собственных средств квартиру в общую долевую собственность со своими несовершеннолетними детьми, на получение имущественного налогового вычета в соответствии с фактически произведенными расходами в пределах общего размера данного вычета, установленного законом.

Презюмируя обязанность родителей и иных законных представителей несовершеннолетних уплачивать налоги, Конституционный суд РФ придал статус налогоплательщиков лицам, фактически ими не являющимися. К примеру, гражданин не обязан платить транспортный налог на автомобиль, который ему не принадлежит. Указанное предполагает и переложение на родителей бремени несения налоговой ответственности за своих несовершеннолетних детей.

Выход из сложившейся ситуации может быть достаточно простым – внесение изменений в Налоговый кодекс РФ путем дополнения его императивными положениями и об ответственности родителей и иных законных представителей за действия (бездействие) своих недееспособных подопечных, и об обязанности платить за них законно установленные налоги и сборы, как на то указал Конституционный суд РФ.

Однако, такая правовая конструкция отсутствует в налоговом законодательстве Российской Федерации. А её закрепление может повлечь нарушение конституционных прав налогоплательщиков и предание этому понятие совершенно иного подвижного смысла.

* * *

Ежов Д.С. История развития патентного законодательства Китайской Народной Республики⁹³

История развития современного патентного законодательства Китая насчитывает не многим более двадцати лет. Первоначальная редакция Патентного закона Китайской Народной Республики (КНР) была принята 12.03.1984 года (далее – Патентный закон КНР) Собранием народных представителей и в последующем дополнена Инструкцией о применении (одобрена Государственным советом КНР 19.01.1985). До настоящего времени два этих документа трижды претерпевали серьезные изменения в 1992, 2000 и 2009 гг. Проект четвертой редакции Патентного закона КНР⁹⁴ был утвержден в конце 2008 года и вступил в силу 1 октября 2009 года. Изменения к инструкции о применении последнего в настоящий момент находятся в стадии разработки.

Принятие Патентного закона КНР и его изменения с момента его создания и до утверждения его четвертой редакции, были обусловлены необходимостью интеграции КНР в мировую экономику и систему международного права интеллектуальной собственности. При этом принятие каждой последующей редакции Патентного закона КНР производились не только в связи с необходимостью устранения проблем, выявленных на практике, но и в связи с принятием КНР на себя новых международных обязательств.

Процесс становления современного китайского патентного законодательства, как и всего современного законодательства КНР об интеллектуальной собственности, начался с 03.03.1980, когда Китай подписал Конвенцию об учреждении Всемирной организации

---

⁹³ **Ежов Денис Сергеевич** – аспирант Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации.

Настоящая статья является первой в цикле статей автора, посвященного сравнению патентного законодательства Китайской Народной Республики (далее – КНР или Китай) с действующим российским законодательством и законодательствами ведущих стран мира, и преследует выявление ключевых вех развития патентного законодательства КНР и основных направлений такого развития.

Ключевые слова: патентный закон, Китай, изобретение, законопроект, ТРИПС, международное соглашение.

The present article is fourth in cyclus of works dedicated to comparison of Chinese patent law with the effective law of Russia and legal systems of world's leading countries. The article peruses the detection of key milestones in evolution of China's patent legislation and main trends of such evolution.

Key words: patent law, China, China's patent legislation.

⁹⁴ Государственное ведомство по интеллектуальной собственности предоставило для комментариев соответствующий проект 31.07.2006, с которым можно ознакомиться на сайте: <<http://www.sipo.gov.cn/sipo/bgs/img/he.pdf>>. (Последнее посещение 15.03.2010).

интеллектуальной собственности от 14.07.1967 (далее – «Конвенция об учреждении ВОИС»)).⁹⁵ Со вступлением в силу для КНР этой конвенции (03.07.1980) связывается дата присвоения Китаю статуса официального члена Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – «ВОИС»)).⁹⁶ Подписание КНР Конвенции об учреждении ВОИС означало официальное признание ею таких объектов патентного права как изобретения и промышленные образцы⁹⁷ (пункт VIII статьи 2 Конвенции об учреждении ВОИС).

Следующим логическим шагом для КНР явилось присоединение к Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20.03.1883⁹⁸ (далее – «Парижская конвенция») и создание национального законодательства, которое бы соответствовало взятым Китаем на себя международным обязательствам. Два этих шага были сделаны КНР практически одновременно. Так, на четвертом заседании Постоянного Комитета Шестого Национального Всекитайского Собрания 12.03.1984 был **принят Патентный закон КНР**, вступивший в силу 01.04.1985, и уже 19.12.1984 КНР подписала Парижскую конвенцию вместе со Стокгольмским актом, которые вступили в силу для Китая 19.03.1985.⁹⁹

Таким образом, КНР официально закрепила в своем законодательстве триаду объектов патентной правовой охраны – изобретение, полезную модель и промышленный образец. При этом, условиями предоставления правовой охраны для изобретений и полезных моделей стали новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость, тогда как для промышленного образца основным условием стала его «нетождественность» уже существующим образцам. Существенным являлось и то, что полезные модели, как и промышленные образцы, являясь второстепенными по отношению к изобретениям объектами правовой охраны, должны были проходить лишь формальную экспертизу заявки, в то время как изобретения должны были также пройти проверку по существу. Наконец, базовым принципом правовой

⁹⁵ <http://www.wipo.int/treaties/en/convention/trtdocs_wo029.html>. (Последнее посещение 15.03.2010). Текст Конвенции на русском языке доступен в справочно-правовой системе КонсультантПлюс.

⁹⁶ <http://www.wipo.int/treaties/en/Remarks.jsp?cnty_id=35C>. (Последнее посещение 15.03.2010).

⁹⁷ В специальной литературе часто встречается определение – промышленный дизайн, что является аналогом перевода термина «промышленные образцы» с английского языка («industrial designs»).

⁹⁸ Парижская Конвенция по охране промышленной собственности. Публикация № 201(R). – Женева: Всемирная организация интеллектуальной собственности, 1990.

⁹⁹ <http://www.wipo.int/treaties/en/Remarks.jsp?cnty_id=209C>. (Последнее посещение 15.03.2010).

охраны изобретательских достижений в КНР, как и в большинстве других стран мира, стал принцип «первой поданной заявки», которая отличается от закрепленного в законодательстве США принципа «первого изобретения». Патентообладатель при этом получил исключительное право использования принадлежащего ему патента.

Вторая редакция Патентного закона КНР.¹⁰⁰ Первые изменения в Патентный закон КНР и Инструкцию о его применении явились следствием подписания Соглашения о взаимопонимании в отношении защиты прав на интеллектуальную собственность между правительством КНР и США от 17.01.1992 (далее – «Соглашение о взаимопонимании»)¹⁰¹. Так, согласно пункту 2 статьи 1 Соглашения о взаимопонимании правительство КНР взяло на себя обязательство привести свое законодательство в соответствии с условиями и принципами, закрепленными в соглашении, до 01.01.1993. Таким образом, было изменено понятие изобретательского достижения, включавшее в себя не только продукт, но и способ, и расширен перечень объектов патентной охраны, который стал включать различные фармацевтические и сельскохозяйственные продукты (в том числе, напитки, продукты питания и приправы), полученные химическим способом. Содержание исключительного права патентообладателя было расширено и приобрело негативную окраску – патентообладатель получил право запрещать незаконное использование принадлежащего ему патента. Срок правовой охраны изобретений был увеличен с 15 до 20 лет, а полезных моделей и промышленных образцов с 5 до 10 лет. Основания предоставления принудительных лицензий были ограничены. Наконец, процедура предъявления возражений перед предоставлением патента была заменена на последующий отзыв патента, что сократило срок рассмотрения заявки в среднем до 6–10 месяцев.

Последовавшее за этим 01.10.1993 подписание Договора о патентной кооперации (Вашингтон) от 19.06.1970,¹⁰² вступившего для КНР в силу 01.01.1994, открыло китайским патентообладателям дорогу к международной правовой охране.

¹⁰⁰ Патентный закон КНР от 12.03.1984 (в редакции 04.09.1992) принятый во время двадцать седьмой сессии решением Постоянного Комитета Седьмого Национального Всекитайского Собрания // <http://www.novexcn.com/patent_law_92.html>. (Последнее посещение 15.03.2010).

¹⁰¹ <http://untreaty.un.org/unts/144078_158780/4/4/12279.pdf>. (Последнее посещение 15.03.2010).

¹⁰² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. – М., 1980. – Выпуск XXXIV. – С. 55-89. Текст на английском языке опубликован: <<http://www.wipo.int/pct/en/texts/articles/atoc.htm>>. (Последнее посещение 15.03.2010).

Третья редакция Патентного закона КНР.¹⁰³ 1 декабря 2001 года Китай стал членом Всемирной торговой организации (далее – ВТО). Присоединившись к ВТО, КНР подписала Марракешское соглашение по торговым аспектам интеллектуальной собственности от 15.04.1994 (далее – ТРИПС)¹⁰⁴. В связи с этим КНР обязалась установить национальный режим (статья 3 ТРИПС) и режим наибольшего благоприятствования (статья 4 ТРИПС) в отношении граждан всех государств-членов ТРИПС. Таким образом, КНР не только обязалась предоставлять гражданам государств-членов ТРИПС все льготы, которые в соответствии с соглашениями КНР предоставляются гражданам других стран, но и установить для граждан государств-членов ТРИПС режим не менее благоприятный, нежели для собственных граждан.

Вступление Китая в ВТО и подписание ТРИПС потребовали переработки Патентного закона КНР, и уже 25.08.2000 Национальное Всекитайское Собрание утвердило его третью редакцию, которая вступила в силу 01.07.2001. Одним из важнейших достижений третьей редакции Патентного закона КНР стала открытость разбирательств по патентным спорам, которая выразилась в обязательности публикации судебных решений в сети Интернет¹⁰⁵ и доступе иностранных граждан, не являющихся сторонами по делу, в зал судебного заседания. Кроме того, законом было закреплено право патентообладателя ходатайствовать о наложении запрета на незаконные действия лица, нарушающего права патентообладателя, перед подачей основного искового заявления. Также впервые в законе были установлены стандарты исчисления «обязательных» (к взысканию) убытков и закреплено формальное равенство между государственными и частными организациями. Наконец, третья редакция Патентного закона КНР упростила процедуру подачи и рассмотрения заявки, а также передачи права на ее подачу и отменила процедуру отзыва выданного патента.

Несмотря на все это, китайское патентное законодательство подвергалось частой критике за неспособность предоставить

¹⁰³ Патентный закон КНР от 12.03.1984 (в редакции от 25.08.2000) принятый во время семнадцатой сессии решением Постоянного Комитета Девятого Национального Всекитайского Собрания // <[http://www.qbpc.org.cn/uploads/2nd%20Amendment%20of%20Patent%20Law%20\(2000\)%20-20EN.pdf](http://www.qbpc.org.cn/uploads/2nd%20Amendment%20of%20Patent%20Law%20(2000)%20-20EN.pdf)>. (Последнее посещение 15.03.2010).

¹⁰⁴ International Investment Instruments: A Compendium. Volume I. – New York; Geneva: United Nations, 1996. – С. 337–371.

¹⁰⁵ Так Пекинский Высокий Народный Суд создал интернет сайт, где каждый желающий может искать судебные решения судов г. Пекина в отношении споров по интеллектуальной собственности (см.: <<http://www.china.org.cn/english/government/79383.htm>>. (Последнее посещение 15.03.2010)). К сожалению, в настоящий момент данный интернет-сайт (<http://bjgy.chinacourt.org/>) публикует материалы только на китайском языке.

адекватную защиту объектам интеллектуальной собственности, как на общем законодательном уровне, так и на практике. Так, всемирно известному производителю лекарственных средств Pfizer удалось получить патент на Виагру лишь после многолетних судебных тяжб.¹⁰⁶

Решению, в том числе данной проблемы, были посвящены недавние изменения патентного законодательства КНР, призванные восстановить и улучшить инвестиционную привлекательность КНР для иностранных капиталовложений.

Четвертая редакция Патентного закона КНР¹⁰⁷ была подготовлена Государственным ведомством по интеллектуальной собственности, а соответствующий проект 27.12.2006 был внесен на рассмотрение Государственного совета, который в свою очередь предоставил проект для публичного обсуждения и внесения предложений. Через два года (27.12.2008) после продолжительной дискуссии Постоянный Комитет Одиннадцатого Национального Всекитайского Собрания на своей шестой сессии утвердил новую редакцию Патентного закона КНР, которая вступила в силу с 01.10.2009.

Изменения, внесенные в Патентный закон КНР, в том числе, предусматривают: 1) замену требования об относительной мировой новизне при предоставлении правовой охраны изобретениям и полезным моделям требованием абсолютной мировой новизны; 2) расширение и уточнение оснований предоставления принудительных лицензий; 3) правила правовой охраны изобретательских достижений, созданных с использованием генетических ресурсов. Кроме того, данные изменения направлены на развитие административных полномочий государственных органов в области рассмотрения патентных споров. Так, в компетенцию уполномоченных исполнительных органов были включены полномочия по изучению свидетельских показаний, заявлений сторон, исследованию вещественных доказательств, осмотру помещений, аресту и конфискации имущества, выпуску приказов о прекращении действий, нарушающих патентные права других лиц. Тем не менее, согласно четвертой редакции Патентного закона КНР рассмотрение вопросов о взыскании убытков должно остаться в исключительной

¹⁰⁶ См. Pfizer wins patent protection for Viagra. – 05.06.2006. <http://www.ipr.gov.cn/ipr/en/info/Article.jsp?a_no=99&dir=200606>. (Последнее посещение 15.03.2010).

¹⁰⁷ Патентный закон КНР от 12.03.1984 (в редакции от 27.12.2008) принятый решением Постоянного комитета в шестой сессии Одиннадцатого Всекитайского Собрания // <http://www.qbpc.org.cn/uploads/3rd%20Amendment%20of%20Patent%20Law_%20English%20Translation.doc>. (Последнее посещение 15.03.2010). Здесь и далее по тексту под Патентным законом КНР будет пониматься его последняя редакция от 27.12.2008.

компетенции судов. Наконец, в четвертой редакции Патентного закона КНР закрепились сформированные на практике признаки обнаружения нарушения патентных прав – так называемые концепции эквивалентов, эстопеллей и защиты основанной на существующем уровне техники.

Выводы.

1. Современное патентное законодательство КНР, несмотря на свою относительную молодость, входит в число наиболее разработанных систем регулирования патентных правоотношений, основано на устоявшихся принципах регулирования и защиты прав участников гражданских отношений и модифицировано с учетом последних требований к правовому регулированию патентных правоотношений.

2. КНР является участником большинства международных конвенций в сфере международного сотрудничества по регулированию патентных правоотношений и охране прав и законных интересов их участников, включая Парижскую конвенцию по охране промышленной собственности, Соглашения о патентной кооперации, ТРИПС и др.

3. Существенное влияние на регулирование патентных правоотношений в КНР оказывает государство и его институты, в частности Государственное ведомство по интеллектуальной собственности, а также судебная практика и практика правоприменительной деятельности Патентного ведомства.

* * *

Авимская О.В. Медиация как процедура: этапы разрешения спора¹⁰⁸

В последнее время в юридической литературе много внимания стало уделяться такому институту альтернативного разрешения споров, как медиация¹⁰⁹. Большое количество статей посвящено его преимуществам, необходимости развития в нашей стране, законопроектам о медиации, находящимся на рассмотрении в Государственной Думе России¹¹⁰. Однако описанию самого процесса посвящено не так много публикаций. В связи с этим нам представляется особенно интересным попытаться описать поэтапно процедуру медиации.

Законодательство зарубежных стран не пошло по пути четкого и глубокого регулирования самой процедуры медиации. Полагаем,

¹⁰⁸ **Авимская Ольга Вадимовна** – соискатель кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Российского университета дружбы народов ведущий юрист-аналитик компании «КонсультантПлюс».

Статья посвящена такому институту альтернативного разрешения споров, как медиация. Автор рассказывает о процедуре медиации, раскрывая содержание каждого ее этапа. Много внимания уделено целям и задачам, которые стоят перед медиатором и участниками медиации при урегулировании спора, а также о подходах к проведению того или иного этапа медиации.

Ключевые слова: медиация, посредничество, альтернативное разрешение споров, этапы процедуры медиации, медиатор, деятельность медиатора.

This article covers one of the institute of Alternative dispute resolution – Mediation. The author tells about the procedure of the mediation, opening the maintenance of its each stage. A lot of attention is given to the purposes and problems which are solving by the mediator and participants during the negotiation process, and also about approaches to carrying out of this or that stage of the mediation.

Key words: mediation, alternative dispute resolution, procedure stages of mediation, mediator, mediator's activities.

¹⁰⁹ Здесь и далее под медиацией мы понимаем такой способ урегулирования споров, при котором его стороны на основе добровольного волеизъявления при участии третьей беспристрастной стороны пытаются найти взаимоприемлемое решение спора на основе соблюдения принципов конфиденциальности, равноправия сторон и сотрудничества.

¹¹⁰ В настоящий момент в Государственной Думе ФС РФ на рассмотрении находится два законопроекта о медиации: 1) проект федерального закона о примирительной процедуре с участием посредника (медиации), внесенный депутатами П.В. Крашенинниковым, В.Н. Плигиным, В.С. Груздевым (далее по тексту – Проект закона о медиации), текст доступен на официальном сайте Государственной Думы <<http://www.duma.gov.ru/>>. (Последнее посещение 10.03.2010); 2) проект федерального закона «О примирительной процедуре (медиации)», внесенный Законодательным Собранием Санкт-Петербурга (далее по тексту – Проект закона о медиации, предложенный Законодательным Собранием Санкт-Петербурга), текст доступен на официальном сайте Государственной Думы <<http://www.duma.gov.ru/>>. (Последнее посещение 10.03.2010).

что отечественный законодатель также будет придерживаться данного подхода. Ни один из законопроектов о медиации не предполагает установить непосредственно структуру медиационного процесса.

В литературе же можно встретить достаточно много подходов к проведению процедуры. Так, Дж. Фолберг и А. Тейлор предлагают разделить всю процедуру на семь ступеней, начиная с беседы со сторонами о медиации.¹¹¹ К. Мур различает двенадцать ступеней, включая предварительную фазу, но исключая фазу реализации решения, достигнутого сторонами.¹¹² Х. Бессемер, обобщая наиболее распространенные подходы, выделяет семь этапов процедуры.¹¹³ Отечественные школы данного института в основном исходят из пяти или семи ступенчатой процедуры медиации.¹¹⁴

Учитывая сказанное выше, можно сделать вывод, что содержание и порядок проведения процедуры медиации, избираемые медиатором, могут быть самыми разными. Универсальной схемы ее проведения в литературе не описывается. Однако постараемся представить обобщенную схему рассматриваемой нами процедуры, выделяя основные цели и задачи медиатора на каждом ее этапе (стадии, фазе).

Первый этап. Подготовка к процедуре медиации (в литературе его также называют: подготовительный, предварительный, учредительный).

Главная цель данного этапа – заключение соглашения о медиации.

Данное соглашение закрепляет намерение сторон урегулировать возникший между ними спор с помощью процедуры медиации. Согласно проектам законов о медиации данное соглашение (посредническое соглашение – в Проекте закона, предложенного Законодательным Собранием Санкт-Петербурга, и соглашение о проведении примирительной процедуры – в Проекте закона о медиации) должно быть заключено в письменной форме. Несоблюдение формы влечет его недействительность (пункт 1 статьи 5 Проекта закона о медиации, пункты 1 и 2 статьи 5 Проекта закона о медиации, предложенного Законодательным собранием Санкт-

¹¹¹ Folberg J., Taylor A. Mediation. A Comprehensive Guide to Resolving Conflicts without Litigation. – San Francisco; Oxford, 1984. – P. 36.

¹¹² Christopher W. Moor. The Mediation Process. – San Francisco, 1986. – P. 19–24.

¹¹³ Бессемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах. – Калуга, 2004. – С. 69–71.

¹¹⁴ См., например: Давыденко Д. Как избежать судебного разбирательства: посредничество в бизнес-конфликтах. – М., 2006. – С. 78–79; Леннуар Н.Н. Альтернативное разрешение споров: переговоры и медиация: Учебно-методическое пособие. – СПб., 2004. – С. 66–68; Аллахвердова О.В. Школа посредничества (медиации) // Третейский суд. – 2006. – № 1–6; 2007. – № 1.

Петербурга). При этом Проект закона о медиации, предложенный законодателями Санкт-Петербурга, предполагает более детальное закрепление порядка заключения посреднического соглашения. Во-первых, требование к письменной форме соглашения считается соблюденным, если оно заключено путем обмена письмами, сообщениями по телетайпу, телеграфу или с использованием других средств электронной или иной связи, обеспечивающих фиксацию такого соглашения. Ссылка в договоре на документ, содержащий условие о передаче спора в посредническую организацию, либо путем самостоятельного выбора медиатора для урегулирования спора, является посредническим соглашением при условии, что договор заключен в письменной форме. Следует отметить, что фактически данное положение законопроекта аналогично норме, содержащейся в п. 1 ст. 7 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» от 24.07.2002 № 102-ФЗ¹¹⁵.

Во-вторых, данный законопроект предлагает законодательно закрепить существенные условия посреднического соглашения: указание на предмет спора; указание на посредническую организацию и посредника (посредников), которые выбраны сторонами примирительной процедуры для участия в урегулировании спора; условия, порядок и размер выплаты сторонами примирительной процедуры вознаграждения посреднику (посредникам) за проведение примирительной процедуры; порядок и размер компенсации расходов посредника (посредников), связанных с проведением примирительной процедуры; основания и размер ответственности посредника (посредников), участвующего в урегулировании спора сторон примирительной процедуры, за действия (бездействие), повлекшие убытки для сторон примирительной процедуры.

Полагаем, что подобные требования не всегда могут оправдать себя, поскольку заключая договор и включая в него оговорку об урегулировании спора, стороны, не всегда, например, будут иметь возможность определить основания и размер ответственности медиатора. Данные условия касаются непосредственно медиатора, при этом не предполагается, что он будет принимать участие в заключении посреднического соглашения в соответствии со ст. 5 Проекта закона о медиации, предложенным Законодательным собранием Санкт-Петербурга. Вероятно, в данной части необходимо откорректировать некоторые положения указанного законопроекта, что принесет ясность в содержание и порядок заключения посреднического соглашения.

---

¹¹⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3019.

Следует отметить, что на сегодняшний день в отсутствие законодательного регулирования института медиации стороны и медиатор (или чаще всего организация, обеспечивающая проведение примирительной процедуры) заключают договор возмездного оказания услуг.

Как правило, заключением соглашения о медиации данная стадия заканчивается. До этого медиатор или специалисты организации, обеспечивающей проведение примирительной процедуры, решают определенные задачи:

- достижение договоренности о возможности урегулирования спора с помощью медиации;
- определение сторон, которые будут принимать участие в процедуре (состав и полномочия участников);
- выбор сторонами медиатора;
- согласование финансовых условий работы медиатора и организации, обеспечивающей процедуру медиации;
- согласование правил проведения процедуры медиации.

Оба законопроекта предлагают установить порядок инициирования примирительной процедуры. Предложение о проведении медиации должно быть принято в течение тридцати дней (если иной срок не согласован сторонами или не указан в самом предложении). Если в течение этого срока, сторона направившая предложение, не получит ответа, то оно считается отклоненным. При этом предложение стороне спора о проведении примирительной процедуры может быть сделано медиатором или организацией, обеспечивающей проведение медиации.

Как правило, предложение о проведении процедуры медиации сопровождается разъяснениями о том, что именно представляет из себя процедура медиации, какие преимущества и недостатки она имеет, каково положение и роль медиатора в данной процедуре и т.д. Нередко для принятия решения о возможности использования процедуры медиации стороны консультируются с юристами.

На данном этапе важно определить участников медиации. Как отмечает Катарина Грефин фон Шлиффен, в спорах со значительным количеством конфликтующих участие в медиации не обязательно должны принимать все. В каждом конкретном случае (например, при медиации по делам, связанным с охраной окружающей среды) необходимо решить вопрос, какие лица должны участвовать в процедуре, а какие – нет. Естественно, что медиация не может проводиться с ущемлением интересов третьих лиц.¹¹⁶

---

¹¹⁶ Медиация в нотариальной практике. Альтернативные способы разрешения конфликтов / Отв. ред. Катарина фон Шлиффен и Бренд Вегманн: Пер. с нем.: С.С. Трушников. – М., 2005. – С. 12.

Если все заинтересованные стороны достигли договоренности об использовании процедуры медиации в урегулировании их спора, следующее, о чем им необходимо договориться это кандидатура медиатора. Важно, чтобы все стороны пришли к единому мнению о кандидатуре третьей нейтральной беспристрастной стороны в процессе медиации.

Следует отметить, что организации, обеспечивающие проведение примирительной процедуры, имеют списки лиц, которые могут оказывать услуги по проведению медиации. Как правило, исходя из характера спора, такие организации могут рекомендовать ту или иную кандидатуру посредника.

Что касается правил проведения процедуры медиации, то в основном они разрабатываются организациями, обеспечивающими ее проведение. Как указывает В.В.

Лисицын, с учетом международного и развивающегося российского опыта в данной области правила проведения процедуры должны предусматривать: наделение медиатора необходимыми полномочиями по организации и проведению примирительной процедуры, правила конфиденциальности, процедуру прекращения процедуры медиации, порядок оплаты услуг медиатора и др.¹¹⁷

Анализ правил проведения процедуры медиации (или как их еще называют, регламентов), применяемых сегодня различными организациями в России и за ее пределами показывает, что в основном эти документы регулируют вопросы статуса данных организаций в процедуре разрешения спора; определяют статус медиатора в процедуре; определяют принципы, на которых основывается процедура медиации; определяют некоторые права и обязанности сторон процедуры медиации; решают вопросы назначения медиатора; определяют вопросы прекращения процедуры; устанавливают порядок расчета и оплаты гонорара, а также другие вопросы.¹¹⁸

¹¹⁷ Лисицын В.В. Медиация – способ разрешения коммерческих споров в Российской Федерации: Краткий курс лекций. – М., 2009. – С. 44–45.

¹¹⁸ См., например: Регламент по проведению примирительной процедуры с участием посредника Торгово-Промышленной Палаты Российской Федерации // <http://www.tpprf-arb.ru/kp_reg.php>. (Последнее посещение 05.03.2010); Регламент Объединенной службы медиации (посредничества) при Российском союзе промышленников и предпринимателей (работодателей) // <<http://ars-rspp.ru/razdel.aspx?rID=1&ch=22&doc=7>>. (Последнее посещение 05.03.2010); Правила проведения примирительной процедуры с участием посредника (медиации) АНО «Центр медиации и права» // <<http://www.mediacia.com/Documents.htm>> (Последнее посещение 05.03.2010); WIPO Mediation Rules // <<http://www.wipo.int/amc/en/mediation/rules/index.html>>. (Последнее посещение 05.03.2010); Правила процедуры медиации Центра разрешения конфликтов г. Екатеринбург // <<http://conflictanet.ru/index/0-26>>. (Последнее посещение 05.03.2010); и др.

Международный опыт показывает, что стороны вправе выработать собственные правила проведения медиации для данного конкретного случая, либо они имеют возможность изменить те правила, которые им предложил медиатор или соответствующая организация. На наш взгляд, это еще раз подчеркивает тот факт, что медиация дает сторонам максимальный контроль над тем, что происходит на процедуре и это отражает принципы добровольности и транспарентности медиации.¹¹⁹

После того, как стороны выбрали медиатора, согласовали правила процедуры медиации, решили все финансовые и организационные вопросы, подписали соглашение о медиации, первый этап процедуры считается завершенным.

Второй этап. Начало процедуры медиации (в литературе его также называют: начальный, открытие процедуры, инициализация, вступительное слово медиатора (введение в процесс медиации) и др.).

Основная цель данного этапа – сделать процесс ясным и предсказуемым для сторон.

Задачи, которые реализует медиатор на данном этапе:

- уточнить информированность сторон о процессе медиации;
- выявить ожидания сторон от медиации (чего бы они хотели достичь);
- рассказать сторонам о принципах медиации, о том, что их ожидает в процессе медиации;
- определить правила общения и построения диалога в процессе медиации;
- «возвратить» сторонам ответственность за разрешение спора;
- создать атмосферу доверия и безопасности.

Как правило, данный этап длится продолжительное время (некоторые медиаторы указывают 10–15 минут¹²⁰, собственный опыт показывает, что данный этап может продолжаться от 25 минут и до 60 в зависимости от конкретного случая и количества участвующих сторон). Для медиатора крайне важна данная фаза, он еще раз согласовывает со сторонами порядок проведения процедуры, при необходимости еще раз разъясняет свою роль в процедуре, принципы медиации и т.д. Мы считаем, что самое главное на данном этапе – создать доверительную обстановку, в которой стороны смогут выражать свои мысли по поводу спора, а также смогут услышать позицию другой стороны.

¹¹⁹ Более подробно о принципах медиации см.: Авимская О.В. Принципы медиации // Третейский суд. – 2009. – № 5. – С. 147–155.

¹²⁰ Аллахвердова О.В. Школа посредничества (медиации) // Третейский суд. – 2006. – № 2. – С. 183.

Случается, стороны выражают недовольство тем, что медиатор повторяет некоторые положения о процедуре, которые уже были сказаны или согласованы на первом этапе или просто считают, что медиатор «тянет» время. Однако опыт подсказывает, что сокращение или ускорение данного этапа может привести к затягиванию последующих, или в худшем случае, к прекращению самой процедуры.

Пожалуй, это единственный этап медиации, на котором медиатор говорит очень много. От того какие слова он подберет, зависит то, как скоро стороны смогут договориться по существу спора.

Второй этап медиации всегда является совместным, т.е. он не может проводиться с каждой из сторон в отдельности (кокус).

Третий этап. Исследование обстоятельств спора (в литературе его также называют: точки зрения отдельных сторон конфликт, формулирование вопросов (исследование, изучение), презентация сторон, сбор тем и др.).

Цель данного этапа – декларирование позиций сторон.

Задачи, которые решает медиатор:

- выслушать обе стороны по очереди, используя «инструменты» медиатора (парафразирование, вербализацию, присоединение и другие приемы);

- определить вместе со сторонами, какие конкретно вопросы будут рассматриваться на следующих этапах процедуры медиации.

В ходе третьего этапа каждая сторона по очереди излагает свое видение сложившейся ситуации, спора. На данном этапе достаточно часто возникает напряженность, агрессия сторон по отношению друг к другу. Именно на этой стадии медиатору требуются его психологические навыки (приемы или «инструменты» медиатора). Кроме того, в определенных случаях медиатор может принять решение о проведении третьего этапа в форме отдельных встреч со сторонами (некоторые медиаторы используют исключительно данный подход).

Однако независимо от того какую стратегию проведения третьего этапа процедуры медиации изберет медиатор, его задача выслушать каждую из сторон и определить в чем их позиции совпадают, а в чем расходятся. Исходя из этой информации, стороны вместе с медиатором могут определить какие именно вопросы (то есть те позиции, которые не совпадают) они хотели бы урегулировать в дальнейшем.

Как отмечают специалисты, данный этап помогает прояснить, какие именно вопросы являются предметом спора. Этот процесс может дать ключевую информацию о том, как стороны могут

сотрудничать и что может служить основой для достижения консенсуса.¹²¹

Данный этап может быть также упрощен в случае, когда стороны готовясь к процедуре медиации, излагают свою позицию по спору в письменном виде для другой стороны. Отметим, что на практике это зависит от стратегии, выбранной медиатором для проведения процедуры, или от желания сторон.

Четвертый этап. Выяснение интересов сторон (в литературе его также называют: дискуссия, исследование интересов сторон, прояснение конфликта/углубление, работа над конфликтом и др.).

Цель данного этапа – определить, какие интересы стоят за позициями сторон.

Основные задачи, которые решает медиатор на данном этапе:

- по каждой собранной на предыдущем этапе теме выявить интересы сторон, задавая вопросы и используя инструменты медиатора;

- «сгладить» негативные оценки и высказывания;

- убедиться, что стороны обсудили все вопросы, которые они определили на предыдущем этапе.

Как правило, на третьем этапе стороны называют только фактические обстоятельства спора. Поэтому в эмоциональном плане четвертый этап самый яркий. Его суть заключается в том, что стороны обсуждают вопросы, которые были согласованы ими на предыдущей стадии. Стороны самостоятельно определяют последовательность обсуждения – повестку дня. При этом все действия медиатора направлены на выяснение глубинных интересов сторон, которые пока лишь поверхностно понимаются ими. Для этого медиатор помогает сторонам отделить факты от интерпретаций, от личного отношения сторон друг к другу (насколько это возможно).

Как ни парадоксально, указывают специалисты, стороны, яростно отстаивающие свои позиции в споре, часто весьма туманно представляют свои интересы и действуют даже им наперекор. Медиатор должен на данном этапе сделать разграничение между участниками переговоров и предметом переговоров, «отделить человека от проблемы».¹²²

Таким образом, в идеале в ходе данного этапа участники медиации должны услышать, что является важным для каждой из них и что составляет содержание спора. Осознание интересов и потребностей каждой стороны позволяет понять, что означает для

¹²¹ Основы медиации как процедуры разрешения споров. Процедура медиации и ее фазы. Кодекс медиатора // Приложение к журналу «Медиация и право. Посредничество и примирение». – 2006. – № 2. – С. 9–10.

¹²² Ракитина Л.Н., Львова О.А. Медиация (посредничество). Как урегулировать спор, не обращаясь в суд. – М., 2008. – С. 92–93.

каждой из сторон содержание каждого ее аргумента. Все это дает представление о возможностях и предпосылках вариантов урегулирования спора.

Сам процесс переговоров на данном этапе может также проходить как в виде совместных встреч, так и в виде кокусов. Этот вопрос, как правило, медиатор решает совместно со сторонами.

Для данного этапа процедуры медиации характерно восстановление непосредственного общения между сторонами. Это происходит за счет того, что в процессе осознания интересов друг друга, у сторон спора повышается доверие и обоюдное понимание. Иногда стороны даже начинают предлагать варианты решения спора и могут перейти в следующую стадию.

Пятый этап. Развитие решений (в литературе его также называют: решение проблемы, выработка предложений, поиск опций (вариантов решений) и др.).

Цель медиатора на данном этапе – помочь сторонам генерировать нестандартные решения, которые смогли бы лечь в основу урегулирования спора.

Задачи, которые решает медиатор на данном этапе:

- четко обозначить сторонам правила проведения данного этапа;

- помочь сторонам предлагать решения.

На предыдущих этапах медиатору необходимо пробудить такое понимание мотивов и интересов противоположной стороны, чтобы все участники смогли увидеть их ситуацию не как борьбу отдельных субъектов, а как общую проблему, требующую решения. Стороны должны признавать, что у каждой из них есть причины и мотивы, делающие их поведение обоснованным, и что важно найти решение, учитывающее это. На наш взгляд, одним из главных преимуществ медиации является то, что используя данную процедуру, можно достичь идеального урегулирования конфликта. Под идеалом мы понимаем возможность удовлетворить интересы каждой из сторон спора оптимально, или в противном случае, возможность найти то решение, которое будет максимально учитывать интересы конфликтующих и отвечать критериям справедливости в представлении сторон.

Именно поиску таких решений посвящена пятая стадия медиации. Поиск решений осуществляется, как правило, с помощью метода мозгового штурма. Согласно Словарю социальной психологии, этот метод представляет собой методику стимуляций творческой активности и продуктивности, исходящей из предположения, что при обычных приемах обсуждения и решения проблем возникновению новаторских идей препятствуют контрольные механизмы сознания, которые сковывают поток этих идей под

давлением привычных, стереотипных форм принятия решений.¹²³ Иными словами, данный метод основан на том, что одним из основных препятствий для рождения новых идей является «боязнь оценки»: люди часто не высказывают вслух интересные неординарные идеи из-за опасения встретиться со скептическим либо даже враждебным к ним отношением со стороны оппонента. Целью применения мозгового штурма является исключение оценочного компонента на начальных стадиях создания идей.

Классическая техника мозгового штурма, предложенная Алексом Осборном в 1953 году, основывается на двух основных принципах — «отсрочка вынесения приговора идее» и «из количества рождается качество».¹²⁴ Этот подход предполагает применение нескольких правил.

Во-первых, на начальном этапе (генерация идей) не допускается критика в адрес предложенной идеи, в том числе собственной, или автора данной идеи. Важно на данном этапе процедуры медиации увеличить число возможных решений спора, особенно за счет необычных предложений. Для этого медиатор предлагает сторонам высказывать абсолютно любые идеи, варианты решений, даже кажущиеся, маловероятными, абсурдными или фантастическими. При этом количество идей должно быть максимальным.

Во-вторых, все предложенные варианты решения спора рассматриваются и оцениваются участниками медиации лишь после того, как у сторон иссякнут предложения по выходу из сложившейся ситуации.

В ходе сбора идей медиатор, как правило, не вносит собственных предложений. В тоже время это не исключается в тех ситуациях, когда у медиатора создается впечатление, что стороны не увидели каких-то подходов или для того, чтобы помочь сторонам раскрепоститься. Однако, как отмечает Х. Бессемер, это должно проходить по возможности в ненавязчивой форме.¹²⁵ Катарина Грефин фон Шлиффен подчеркивает, что как принцип здесь действует правило о том, что самостоятельный консенсус ценится намного выше, чем совершенное решение, предложенное третьим

¹²³ Социальная психология. Словарь / Под. ред. М.Ю. Кондратьева // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. – М., 2006. – С. 176.

¹²⁴ Управление персоналом. Словарь-справочник // <<http://psyfactor.org/personal/personal12-03.htm>>. (Последнее посещение 05.03.2010).

¹²⁵ Бессемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах. – Калуга, 2004. – С. 94.

лицом.¹²⁶ Полагаем, что это является крайне важным правилом не только данного этапа, но и процедуры медиации в целом, поскольку самостоятельное решение конфликтной ситуации является залогом его признания как справедливого всеми участниками конфликта, и как следствие, залогом исполнимости такого решения сторонами в добровольном порядке.

Когда все предложенные варианты собраны, стороны совместно с медиатором оценивают их и сортируют. Конечно, некоторые нереалистичные, неприемлемые идеи сразу же могут быть вычеркнуты, остальные подлежат тщательному рассмотрению с позиций приемлемости, конструктивности и реалистичности.

Решения, которые прошли предварительный отбор, обсуждаются сторонами более детально. Возможна ситуация, когда стороны приходят к общему решению, объединяя несколько из предложенных ранее идей. Для детальной проработки наиболее подходящих вариантов разрешения спора может потребоваться получение дополнительной информации и/или привлечение консультантов. Специалисты считают, что на данном этапе процедуры медиации особенно актуально привлечение юристов (если они не принимают участие в процедуре медиации), которые смогут разъяснить сторонам юридические последствия того или иного решения.¹²⁷ Полагаем, что привлечение юридической составляющей в оценке вариантов решения спора также можно отнести к проверке их реалистичности, а значит и исполнимости.

Следует отметить, что описанный выше способ проведения пятого этапа процедуры медиации предполагает совместную работу всех сторон спора, однако ее возможно осуществить и с помощью кокусов. Чаще всего отдельные встречи на данном этапе проводятся при урегулировании коммерческих споров. Однако задачи медиатора при этом остаются неизменными.

Шестой этап. Заключение соглашения (в литературе его также называют: составление соглашения, подготовка проекта соглашения и др.).

Цель данной стадии – достижение окончательных договоренностей об урегулировании спора.

Задачи, которые решает медиатор на данном этапе:

- проверка этого решения на реальность;

¹²⁶ Медиация в нотариальной практике. Альтернативные способы разрешения конфликтов / Отв. ред. Катарина фон Шлиффен и Бренд Вегманн: Пер. с нем.: С.С. Трушников. – М., 2005. – С. 18.

¹²⁷ Основы медиации как процедуры разрешения споров. Процедура медиации и ее фазы. Кодекс медиатора // Приложение к журналу «Медиация и право. Посредничество и примирение». – 2006. – № 2. – С. 11.

- проверка, чтобы стороны согласовали все существенные условия будущего соглашения (сроки, порядок исполнения, ответственность и т.д.);

- при необходимости, привлечение юристов для подготовки проекта соглашения;

- подписание сторонами соглашения.

Предыдущая стадия медиации плавно перетекает в следующую, в которой достигаются окончательные договоренности, и формулируется соглашение сторон по существу спора.

Медиатор на шестой стадии особенно тщательно выясняет вместе со сторонами спора все детали будущего соглашения. Полагаем, что в этот момент привлечение юристов, если они не были приглашены ранее, является крайне необходимым, с тем, чтобы текст соглашения или договора, в котором выражается решение спора, удовлетворял всех его участников.

Для медиатора важно убедиться, чтобы стороны будущего соглашения одинаково понимали все его условия и были согласны с порядком его исполнения. Особое значение должно придаваться существенным условиям договора. Решение, найденное сторонами, должно содержать не только общие заявления о намерениях. Необходимо точно и четко указать, какие обязательства принимает на себя каждая из сторон, в каком порядке они должны быть исполнены, в какие сроки, меры ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств и т.д.

Когда все условия согласованы и зафиксированы, стороны подписывают соглашение. На этом процедура медиации может быть окончена.

Интересной представляется точка зрения А.В. Вишневской, которая считает, что соглашение может считаться прочным тогда, когда в процессе работы над ним и в самом тексте соглашения присутствуют следующие составляющие:

- 1) Процедурное удовлетворение. Его главным индикатором служит то, что стороны, вне зависимости от хода выполнения соглашения, готовы использовать ту же модель переговорного процесса снова в подобных обстоятельствах.

- 2) Психологическое удовлетворение. Оно достигается, когда участники переговоров не уничтожены, не угнетены, не понесли непоправимого морального ущерба, чувствуют себя лучше и сознают, что в противном случае, было бы хуже.

- 3) Удовлетворение по существу. Его степень зависит от того, насколько адекватно разрешены все проблемы и насколько

формальные пункты соглашения обеспечивают реальное удовлетворение интересов.¹²⁸

Отметим, что как правило, после того как процедура медиации окончена подписанием соглашения, стороны испытывают именно чувство удовлетворения от проделанной работы. Конечно, следует помнить, что не всегда сторонам спора удается достигнуть договоренностей по существу спора. Право каждой из сторон окончить процедуру медиации в любой ее момент предполагает возможность ситуации, когда стороны не смогли найти приемлемого для всех решения. Однако, такая ситуация также воспринимается медиаторами как позитивная, поскольку стороны спора начинают более глубоко понимать сущность существующих между ними противоречий, позицию противоположной стороны, ее мотивы и пр.¹²⁹ Мы согласны с тем, что окончание процедуры медиации без достижения сторонами договоренностей по существу спора, является также положительным результатом. Как уже отмечалось нами ранее, конфликтующие зачастую весьма туманно представляют собственные интересы и потребности, которые лежат в основе ее позиции в споре, не говоря уже об интересах противоположенной стороны. Поэтому прохождение даже нескольких этапов процедуры медиации может способствовать пониманию стороной самого существа конфликтной ситуации, а также формированию позиции, которую она в дальнейшем будет отстаивать, например, в суде.

Необходимо также обратить внимание, что в литературе существует мнение, согласно которому медиация не заканчивается на шестом этапе.¹³⁰ За ним следует следующий – фаза реализации (или постконфликта). Цель данного этапа – оценить насколько достигнутое сторонами соглашение результативно. Стороны могут

¹²⁸ Вишневская А.В. Конфликтология. Курс лекций. – М., 2002. <<http://www.humanities.edu.ru/db/msg/46610>>. (Последнее посещение 05.03.2010).

¹²⁹ Джонс Т. Взгляд банкира на медиацию // Медиация и право. Посредничество и примирение. – 2008. – № 1. – С. 54; Ричард Дж. Уайлер. Посредничество. Эффективность и его возможности // Материалы международной конференции «Альтернативные методы разрешения споров: посредничество и арбитраж», Москва, 29–30 мая. – М. – 2000. – С. 201–202; Ракитина Л.Н., Львова О.А. Медиация (посредничество). Как урегулировать спор, не обращаясь в суд. – М., 2008. – С. 100 и др.

¹³⁰ Вульф П. Руководство к успешному посредничеству // Досудебный порядок и альтернативные способы урегулирования споров: зарубежный опыт и перспективы развития в Российской Федерации. Материалы международной научно-практической конференции (г. Вологда, 22 мая 2007 г.). – Вологда, 2007. – С. 49; Аллахвердова О.В. Школа медиации (посредничества) // Хрестоматия альтернативного разрешения споров: Учебно-методические материалы и практические рекомендации / Сост. Г.В. Севастьянов. – СПб., 2009. – С. 426–427; Бессемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах. – Калуга, 2004. – С. 103 и др.

провести еще одну встречу с медиатором, чтобы обсудить ход исполнения соглашения, удовлетворенность сторон от действий друг друга, возможность изменения каких-либо условий соглашения и другие вопросы. В некоторых ситуациях может потребоваться проведение нескольких встреч. Также данный этап может быть проведен заочно, например, по телефону, в том числе и при общении с юристами сторон.

Еще раз следует обратить внимание на то, что на практике не существует единых подходов к порядку проведения процедуры медиации. Все зависит от медиатора и участников процедуры медиации, которые также могут влиять на ход медиации. Кроме того, в зависимости от сложности спора и фактических отношений сторон, некоторые из перечисленных нами стадий, могут не проводиться. На наш взгляд это является огромным преимуществом медиации по сравнению с другими процедурами разрешения споров, поскольку именно возможность сторон настолько детально регулировать сам ход достижения договоренностей, позволяет им максимально включиться в процесс и активно искать нестандартные решения спора.

* * *

Атабиева А.А. Применение принципов и реализация норм налогового права в практике Конституционного Суда Российской Федерации¹³¹

Конституция РФ содержит каталог фундаментальных прав, которые можно считать источником общих принципов налогового права. В данной связи представляется уместным осветить некоторые теоретические расхождения относительно употребляемой терминологии.

В целях достижения единообразного понимания юридических конструкций налогового права, следует расценивать понятия «общие» и «основные» принципы налогообложения и сборов, как тождественные. В настоящее время понимание налога основывается на наиболее апробированных экономических и правовых теориях. Принципы, выявленные Конституционным Судом РФ путем конституционно-правового истолкования налоговых норм, априори являются основными в силу компетенции Суда, социального, экономического, политического авторитета и юридической силы правовых позиций Конституционного Суда РФ, на что неоднократно указывалось в рамках проводимого исследования, а также места и значения Конституции РФ в иерархии нормативных правовых актов государства.

Изучение системы конституционных принципов налогообложения и сборов позволяет понять структуру и функционирование налоговой системы в целом. Одна из целей нашего исследования состоит в том, чтобы определить наиболее подходящие конституционные условия (найти непосредственно в тексте Конституции РФ), которые могут иметь значение относительно дискретных полномочий налоговых и судебных органов вообще, и относительно системы правового регулирования, предлагаемой

---

¹³¹ **Атабиева Абидат Адрахмановна** – заместитель юридического отдела Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы по КБР, аспирант кафедры государственного строительства и права Российской академии при президенте Российской Федерации.

Статья посвящена исследованию правовых позиций Конституционного суда РФ в области налогового права, выявлению и анализу проблем возникающих в ходе реализации норм и принципов налогового права в практике Конституционного суда Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, налоговое право, правовые позиции.

This work is about the law positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the area of tax law, exposure and analysis or problems, arising in a course of realization of standards and theories of tax law in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation, tax law, law positions.

налогоплательщикам для интерпретации и применения налоговых условий. Однако исследовательская мысль не нацелена на представление всестороннего и детального анализа этих принципов в пределах конституционной и налоговой отраслей права, более важно показать манеру, в которой конституционные принципы налогообложения и сборов влияют на процесс решения налоговых споров.

Практически конституционные нормы и принципы используются в судебной и налоговой практике при разрешении споров арбитражными судами и Конституционным Судом РФ, поскольку Конституция РФ является актом прямого действия (часть 1 статьи 15). Это позволяет непосредственно применять нормы и принципы, касающиеся защиты прав и свобод человека и гражданина, реализовать на практике конституционную защиту частной собственности, легально определив налоговую юрисдикцию, подтвердить приоритетность защиты прав налогоплательщиков при столкновении налогового законодательства и коллизии правовых норм, обеспечить законность в налоговых правоотношениях.

В федеральном законе могут быть закреплены принципы налогообложения, непосредственно не вытекающие из Конституции РФ. Возможность этого признается и Конституционным Судом РФ в пункте 3 мотивировочной части Постановления от 21 марта 1997 г. № 5-П. Основные начала законодательства о налогах и сборах, закрепленные статье 3 НК РФ, базируются на конституционных нормах и в целом соответствуют тому пониманию принципов налогообложения, которое закреплено в правовых позициях Конституционного Суда РФ по делам о проверке конституционности ряда нормативных правовых актов по вопросам налогообложения и сборов.

Этими принципами являются следующие: принцип законности налогообложения; принцип всеобщности и равенства налогообложения; принцип справедливости налогообложения; принцип взимания налогов в публичных целях; принцип установления налогов и сборов в должной правовой процедуре; принцип экономического основания налогов и сборов; принцип толкования в пользу налогоплательщика (плательщика сборов) всех неустранимых сомнений, противоречий и неясностей актов законодательства о налогах и сборах; принцип определенности налоговой обязанности; принцип единства экономического пространства Российской Федерации и единства налоговой политики; принцип единства системы налогов и сборов. Важнейшими принципами законодательства о налогах и сборах принято считать принципы всеобщности, равенства, справедливости, соразмерности, законности налогообложения, экономической обоснованности налогов. Все они

взаимосвязаны и дополняют друг друга. Принципы выражают волю законодателя на самоограничение государственной власти в сфере фиска во имя обеспечения и защиты прав и свобод человека.

Д.В. Винницкий отдельно останавливается на обзоре подходов европейской юридической науки к принципу «экономического рассмотрения», «прагматизма» или «реализма» налогового права, выделяя концепции, абсолютизирующие и отрицающие автономию налогового права.¹³²

Принцип справедливости, вводимый частью 3 статьи 19 Конституции РФ, применительно к области налогообложения Суд интерпретирует как гарантию равенства налогоплательщиков в рамках соответствующих налогов. Принцип означает, что соответствующие положения нормативных актов в области налогообложения должны удовлетворять определенным минимальным требованиям объективной целесообразности и правильно оценивать финансовую способность налогоплательщика к их оплате. Из конституционных принципов юридического равенства и справедливости вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы и ее согласованности с системой действующего правового регулирования. Практически в каждом рассматриваемом Конституционным Судом налоговом деле приходится в той или иной мере сталкиваться с проблемами справедливости и равенства.

Реализация государственных властных полномочий имеет важные правовые последствия для налогоплательщиков. В демократическом конституционном государстве органы власти не вмешиваются в свободу граждан при отсутствии явной необходимости и полномочий на это. Данный принцип известен как принцип законности, который играет дифференцированную, но фундаментальную роль во всех правовых системах. В демократическом государстве ясное определение границ контрольных полномочий налоговых властей особенно необходимо, чтобы не допустить любые виды злоупотреблений административными полномочиями. Поэтому юрисдикция закона состоит в ограничении власти государственных органов и их должностных лиц.

Принцип законности диалектически взаимосвязан с принципом равенства и всеобщности налогообложения. Фундаментальный принцип равенства воплощен в конституционных положениях большинства юридических систем, в международных договорах и европейском праве.

---

¹³² Винницкий Д.В. Концепция автономии налогового права и ее влияние на законодательство и судебную практику // Законодательство. – 2003. – № 5. – С. 23.

В российском конституционном правосудии принцип равенства и всеобщности налогообложения ассоциируется также с принципом равного налогового бремени (нейтральности налогообложения). Налоговая юрисдикция должна обеспечивать, чтобы налогоплательщики не несли диспропорционально тяжелое налоговое бремя. Поэтому, обосновывая конституционность дифференцированного подхода к налогообложению разных видов доходов, Суд подчеркивает, что, поскольку в соответствии с частью 1 статьи 6, частью 2 статьи 87, частью 1 статьи 19 и статьей 51 Конституции РФ, все налогоплательщики находятся в равном положении перед налоговым законом, и форма собственности не может быть критерием для дифференциации в налоговой сфере, то законодательное регулирование, которое имеет целью обеспечить одинаковый объем правовых гарантий каждому налогоплательщику и вместе с тем позволяет учитывать юридически значимые и объективно обусловленные различия между отдельными категориями налогоплательщиков, не может рассматриваться как нарушающее принцип равенства¹³³. Суд столкнулся с проблемой чрезмерно расширительного истолкования принципа равенства по налоговому спору заявителя не случайно. Аналогичный подход встречается в судебной практике.

Например, в Постановлении от 4 мая 2006 г. № КА-А40/2608-06 Федерального арбитражного суда Московского округа при рассмотрении налогового спора, связанного с исчислением и уплатой крупнейшим налогоплательщиком акциза по разной процентной ставке, применил неординарный подход к истолкованию нарушения принципа всеобщности и равенства налогообложения, указав, что разница в ставках исчисленного и уплаченного впоследствии акциза создала неравные условия для двух категорий налогоплательщиков, а именно, для налогоплательщиков – потребителей, фактически, уплачивающих налог по ставке, действовавшей на момент отгрузки товара (30 процентов), и юридического лица – налогоплательщика, перечисляющего исчисленную сумму налога в бюджет по ставке 15 процентов.¹³⁴ В данном казусе доминантой стали фискальные интересы государства. В рассмотренном деле при выработке правовой позиции по налоговому спору арбитражный суд открыл новые грани принципа всеобщности и равенства налогообложения, закрепленного в пункте 1 статьи 3 НК РФ, истолковал налоговые нормы в конституционной манере стремления к вынесению справедливого решения по делу.

¹³³ Петрова Г.В. Налоговые споры: практика рассмотрения. – М.: Юриспруденция, 2005. – С. 25, 26.

¹³⁴ Текущий архив Федерального арбитражного суда Московского округа. Дело № А40-36468/05-143-306.

Принципы налогообложения и сборов содержат общие конституционные начала и развивают их, наделяя конкретным смыслом и содержанием. Сформулированные Конституционным Судом РФ правовые позиции служат основой устранения неопределенностей и расхождений в понимании конституционных принципов и ценностей, выявления новых свойств в системе реализации налоговых правоотношений, развития доктрины налогового права. В совокупности указанные свойства способствует наполнению всего института налогообложения конституционным содержанием, что обеспечивает процесс конституционализации налогового права.

Практика Конституционного Суда Российской Федерации по налоговым спорам имеет значение для совершенствования российского налогового права. Многие положения Налогового кодекса Российской Федерации (например, статьи 3 и 5) сформулированы на основе правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации, в которых, в свою очередь, сформулированы конституционные принципы налогообложения: равенства налогообложения, законного установления налогов и сборов, непридания обратной силы налоговым законам и др.

Принимая во внимание фундаментальное значение как для законодателей всех уровней, правоприменителей, так и для налогоплательщиков конституционных принципов налогообложения, в целях придания налоговой системе большей устойчивости целесообразно было бы сформулировать и закрепить общие принципы налогообложения и сборов на уровне конституционно-правового регулирования, то есть конституционализировать (в энциклопедическом значении термина).

В практике Конституционного Суда Российской Федерации содержание данных принципов обогащается в процессе их соотнесения с действующим налоговым законодательством. Общеобязательность решений Конституционного Суда Российской Федерации определяет их влияние на практику правоприменительных органов – судов арбитражной и общей юрисдикции, налоговых органов.

Список использованных источников

Нормативно-правовые акты, решения Конституционного суда Российской Федерации:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с поправками от 2008 г.).

2. Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации» от 21 июня 1994 г. № 1-ФКЗ (с последующими изменениями).

3. Налоговый кодекс Российской Федерации, (часть первая) от 31 июля 1998 г. №146-ФЗ (с последующими изменениями).

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (с последующими изменениями).

5. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 17 декабря 1996 г. № 20-П по делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 закона Российской Федерации от 24 июня 1993 г. «О федеральных органах налоговой полиции // Российская газета. – 26.12.1996.

Монографии, учебные пособия, авторефераты диссертаций, научные статьи:

1. Петрова Г.В. Налоговые споры: практика рассмотрения. – М.: Юриспруденция, 2005. – С. 25, 26.

2. Сасов К.А. Налоговые льготы в свете решений Конституционного Суда РФ // Налоговые споры: теория практика. – 2006. – № 4. – С. 9–15.

3. Козырин А.Н. Налоговое право зарубежных стран: вопросы теории и практики. – М.: Манускрипт, 1993. – С. 77.

4. Винницкий Д.В. Концепция автономии налогового права и ее влияние на законодательство и судебную практику // Законодательство. – 2003. – № 5. – С. 23.

5. Текущий архив Федерального арбитражного суда Московского округа. Дело № А40-36468/05-143-306.

* * *

Федоровская М.Ю. Нравственные основы теории правового государства¹³⁵

Общепризнано, что нравственную основу правового государства образуют общечеловеческие принципы гуманизма и справедливости, равенства и свободы личности. Конкретно это выражается в демократических методах государственного управления, справедливости и правосудия, в приоритете прав и свобод личности во взаимоотношениях с государством, защите прав меньшинства, терпимости к различным религиозным мировоззрениям.

Одним из основоположников современных концепций правового государства, подчеркивавших нравственный компонент во взаимоотношениях государства и права, является И. Кант. Он говорил, что источником нравственных и правовых законов выступает практический разум. В своем поведении личность должна руководствоваться требованиями категорического императива, который распадается на три составляющих: а) поступай так, чтобы правило твоего поведения могло стать правилом для всех; б) в своих поступках исходи из того, что всякий другой человек является высшей

---

¹³⁵ **Федоровская Мария Юрьевна** – аспирант кафедры государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Статья посвящена исследованию примата права над государством, развиваемого в общем смысле идеей правового государства, где главным регулятором отношений между гражданами и государством выступает право. Нравственную основу правового государства образуют общечеловеческие принципы гуманизма и справедливости, равенства и свободы личности. Конкретно это выражается в демократических методах государственного управления, справедливости и правосудия, в приоритете прав и свобод личности во взаимоотношениях с государством, защите прав меньшинства, терпимости к различным религиозным мировоззрениям. Исключается произвольная, т.е. не предусмотренная законодательством, деятельность государства по отношению к гражданам и, соответственно, граждан по отношению к государству.

Ключевые слова: соотношение государства и права, нравственный императив, правовое государство, правление права, права человека.

The summary. The primacy of the right over the state in a general sense develops idea of a lawful state where as the main regulator of relations between citizens and the state the right acts. The moral basis of a lawful state is formed by universal principles of humanism and justice, equality and a personal freedom. Particularly it is expressed in democratic methods of the government, justice and justice, in a priority of the rights and personal freedoms in mutual relations with the state, protection of the rights of minority, tolerance to various religious outlooks. It is excluded any, not provided by the legislation, state activity in relation to citizens and, accordingly, citizens in relation to the state.

Keywords: state and right parity, moral imperative, lawful state, board of the right, human rights.

ценностью и его нельзя рассматривать как средство; в) все поступки общественного человека должны быть ориентированы на всеобщее благо, ибо все в мире имеет относительную ценность¹³⁶. Правом, основанным на нравственном законе, должны быть определены границы поведения людей, чтобы свободное волеизъявление одного лица не противоречило свободе других.

Необходимо отметить, что теория правового государства по своей структуре не однородна и включает в себя отдельные направления, что объясняется сугубо лингвистически. Дело в том, что термин «правовое государство» является буквальным переводом немецкого Rechtsstaat, однако в англоязычном варианте он звучит как the Rule of Law, что означает «правление права». Некоторые авторы различают указанные термины и считают, что существует две традиции в понимании соотношения права и государства: правового государства и правления права, выражающие две стороны одного мировоззрения – правового. Характерными чертами этого мировоззрения, – пишет А. Валицкий, – были, с одной стороны, культ рациональной государственности, а с другой – стремление к обоснованию контрактной ... модели общества, в котором формально равные субъекты обладали бы определенными правами и были свободны от государственного вмешательства¹³⁷.

Восходящая к античности идея рационализации общественной жизни посредством разумного закона впоследствии была дополнена мыслью приоритета прав личности и мыслью государства ограниченного правовыми рамками. Обе эти идеи присущи как концепции правового государства, так и концепции правления права. Но сторонники первых делают упор на идее рационализации и видят свой идеал в максимально возможной упорядоченности общественной и государственной жизни, стремясь навязать порядок с помощью государственного закона. В то время как в концепциях правления права подчеркивается, прежде всего, независимость права от государства: в государственном законе они видят угрозу праву и свободе. Их идеал – ограниченное государство и свободное правовое общество.

---

¹³⁶ Философия для аспирантов: учебник для адъюнктов высших образовательных учреждений МВД России / Под ред. И.И. Кального. – СПб., 1999. – С. 158.

¹³⁷ Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX века // Вопросы философии. – 1991. – № 8. – С. 27.

В самом обобщенном виде можно сказать, что в науке существует две версии концепции правления права. Причем обе они имеют ввиду либеральные принципы ограниченного государства, индивидуальных прав и свобод, ценности рыночной экономики и т.п. Первую из них можно назвать формальной или узкой версией. Основные её положения заключаются в том, что государственная власть должна осуществляться в соответствии с установленным законом, а сам закон должен отвечать ряду формальных требований. Права и свободы личности, общественных союзов и общества в целом лишаются объективного и самостоятельного смысла и оказываются откровированными, дарованными «сверху» благами, нет ничего удивительного, что при таком подходе присутствует возможность отбирания этих «благ» по усмотрению властвующих обратно.

В.С. Нерсесянц обращает внимание на то, что «в этих концепциях речь идет по существу не о правовом государстве, а, скорее, о «государстве законов» ... причем этим конструкциям не хватает самого главного – объективного критерия их правомерности и правового характера, их отличия от форм произвола и свободы»¹³⁸. Представляется, что, отказываясь от оценки содержания закона и обращая внимание лишь на его формальные качества, рассматриваемая теория может использоваться для оправдания практически любых политических режимов, функционирующих на основе формально понимаемого закона.

Более широкая, или субстанциональная версия концепции правления права, признавая необходимыми формальные требования, предъявляемые к закону, требует оценки его содержания и связывает возможность реализации принципов правления права с либерально-демократической политической системой, в которой уважаются и гарантируются права и свободы индивида.¹³⁹ Этот подход исходит из различения закона и права, считая право первичным элементом. Излагаемая позиция сложилась на основе естественно-правовой теории и предполагает существование права до и независимо от государства. Государство – продукт права, так как утверждается юридическими способами, предшествующим государству правопорядком. Государство подчиняется праву, поскольку само государство возникает из потребности обеспечить действие права как системы нормативного регулирования.

---

¹³⁸ Нерсесянц В.С. Философия права. – М., 1997. – С. 104–105.

¹³⁹ Козлихин И.Ю. Идея правового государства: История и современность. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1993. – С. 6.

В юридической науке разработаны основные признаки правового государства, характеризующие его как специфический вид государства, к числу которых относятся: 1) отсутствие в обществе властных структур, стоящих вне и над органами государственной власти; 2) принцип разделения властей; 3) верховенство закона по отношению ко всем другим нормативным правовым актам, а также верховенство и прямое действие Конституции как основного закона государства; 4) формирование основных органов государственной власти непосредственно населением на основе норм демократического избирательного права; 5) принцип взаимной ответственности государства и личности¹⁴⁰.

Подводя итог, можно заключить, что современное понятие «правовое государство» воплощает в себе идеи господства права, равноправия, справедливости, отсутствие внеправового насилия в обществе, в первую очередь, со стороны государства¹⁴¹. Таким образом, в правовом государстве главным регулятором отношений между гражданами и государством выступает право, основой которого должна служить нравственность.

* * *

---

¹⁴⁰ Правоведение: Учебник / Под общ. ред. Г.В. Мальцева. – М., 2003. – С. 88–93.

¹⁴¹ Там же. – С. 87.

Марчук Н.Н. Создать условия для искусства виноделия. Рецензия на книгу В.А. Берзина «Концепция проекта федерального закона “О винодельческом виноградарстве, производстве и обороте винодельческой продукции”» (М., 2010. – 114 с.)¹⁴²

Одобренная распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2009 г. № 2128-р Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года зафиксировала как одну из ключевых задач указанной политики изменение структуры потребления населением алкогольной продукции за счет уменьшения доли потребления крепких спиртных напитков при одновременном существенном снижении общего уровня потребления алкогольной продукции.

Мировой опыт показывает, что задача уменьшения доли потребления крепких спиртных напитков в общей структуре потребления населением алкогольных напитков может быть решена только посредством повышения доли натуральных вин в общей структуре потребления населением алкогольных напитков (как средства профилактики злоупотребления алкогольными напитками и алкоголизма)¹⁴³.

В свете указанных приоритетов особое звучание получает недавно увидевшая свет книга кандидата юридических наук В.А. Берзина «Концепция проекта федерального закона “О винодельческом виноградарстве, производстве и обороте

¹⁴² **Марчук Николай Николаевич** – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Российского университета дружбы народов.

Статья представляет собой рецензию на книгу В.А. Берзина «Концепция проекта федерального закона “О винодельческом виноградарстве, производстве и обороте винодельческой продукции”» (М., 2010. – 114 с.).

Ключевые слова: виноделие, винодельческое виноградарство, производство и оборот винодельческой продукции, законопроект, вино.

The article is a review of the book: V. Berzin «Concept of the draft federal law “On the wine viticulture, production and marketing of wine products”» (Moscow, 2010. – 114 pp.).

Key words: wine, wine grape growing, production and marketing of wine production.

¹⁴³ *Österberg E.* What are the most effective and cost-effective interventions in alcohol control? – Copenhagen: WHO Regional Office for Europe (Health Evidence Network report). <<http://www.euro.who.int/document/E82969.pdf>>.

винодельческой продукции»», посвященная обоснованию необходимости принятия обозначенного федерального закона и описанию его концептуального содержательного замысла.

Работа состоит из двух частей:

- обоснование необходимости принятия федерального закона «О винодельческом виноградарстве, производстве и обороте винодельческой продукции»;

- собственно, концепция проекта федерального закона «О винодельческом виноградарстве, производстве и обороте винодельческой продукции».

Рецензируемый труд представляет значительный вклад в юридическую науку и имеет как теоретическую, так и практическую значимость. Автором проделана большая работа по скрупулезной подготовке материалов, обеспечивающих разработку нового нормативного правового акта, регулирующего отношения в сфере производства и реализации винодельческой продукции.

В основу идеологии законопроекта В.А. Берзиным заложен колоссальный отечественный и зарубежный научный, практический, нормативный и правоприменительный опыт.

Во введении Концепции проекта федерального закона подробно указываются основание, цель разработки законопроекта, его форма, полное и рабочее наименование и иные характеристики, акцентируется внимание на идее установления признания вином только натурального продукта, отвечающего стандартам и требованиям Евросоюза.

Особый интерес представляет вызывает предложение автора о создании специального федерального органа исполнительной власти в области винодельческого виноградарства, производства и оборота винодельческой продукции. Актуальность рассматриваемого вопроса очевидна и надлежащим образом обоснована в рецензируемом издании.

Правовое регулирование в сфере производства и реализации винодельческой продукции и связанного с этой сферой широкого спектра общественных отношений – сравнительно новое направление в отечественной юридической науке, которое сегодня получило существенный импульс, благодаря рецензируемому изданию (и ряду других научных работ В.А. Берзина).

Следует согласиться с автором, что принятие федерального закона «О винодельческом виноградарстве, производстве и обороте винодельческой продукции» будет содействовать созданию межотраслевого комплексного правового института, регулирующего отношения в данной области. Более того, как справедливо отмечает В.А. Берзин, принятие такого законопроекта будет способствовать более полной реализации конституционных прав граждан на

свободное использование способностей и имущества для предпринимательской и иной деятельности; на распоряжение способностями к труду и на выбор рода деятельности и профессии; на охрану здоровья (в части потребления безопасной винодельческой продукции); на образование (относительно получения профессионального образования в сфере виноделия).

Труд В.А. Берзина представляет собой значительную ценность еще и потому, что в ней отражен объективный подход к проблемам, существующим в рассматриваемой области, выявлены реальные недостатки в сфере правового регулирования отношений, складывающихся по поводу производства и оборота винодельческой продукции, но самое важное – предложены пути решения указанных трудностей.

Актуальность и необходимость наведения порядка в сфере винодельческого виноградарства, производства и оборота винодельческой продукции очевидна. И эта очевидность актуализируется каждый раз во время посещения магазина, особенно теми, кому известен вкус настоящих вин (испанских, аргентинских, французских, итальянских и др.) – в оппозицию химическим суррогатам, преимущественно представленным на российских прилавках.

Автор подходит к вопросу о необходимости принятия федерального закона «О винодельческом виноградарстве, производстве и обороте винодельческой продукции», фундаментально подготовившись, описывая объективные причины и приводя развернутые убедительные доводы в обоснование своей позиции и своих законопроектных разработок. Реализация такого замысла, действительно, будет способствовать решению актуальной для России проблемы – существующего экономического кризиса, коснувшегося практически всех слоев населения. Сегодня неизбежно создание условий, при которых материальные и физические вложения трудоспособного населения должны быть максимально оправданными, что в полной мере касается и занятости работников в сфере производства винодельческой продукции. По этой и ряду других причин назрела необходимость в создании нормативно-правового акта, регулирующего отношения в сфере производства и реализации винодельческой продукции. Как справедливо отмечает В.А. Берзин, до настоящего времени в Российской Федерации действуют отдельные нормативные акты, которые не могут способствовать развитию правовых отношений в рассматриваемой сфере, а, следовательно, не только не улучшают показатели российской экономики, но и не оказывают помощь в преодолении экономического кризиса.

Очень важно, что автор в Концепции касается не только финансовых, но также и социальных и культурных вопросов, ряд эффективных способов решения которых связан с принятием федерального закона «О винодельческом виноградарстве, производстве и обороте винодельческой продукции». Кроме того, принятие указанного федерального закона позволит решить несколько наиболее сложных задач в этой сфере: снизить уровень коррупции, повысить защищенность прав и законных интересов потребителей, существенно снизить масштабы «чёрного» и «серого» рынка винодельческой продукции.

Большое теоретическое и практическое значение имеет тот факт, что в процессе работы над Концепцией автор уделил особое внимание зарубежному опыту и максимально учел собранную информацию о подходе различных стран к данным вопросам – Аргентины, Испании, Италии, Франции, Австрии, Уругвая, Южно-Африканской Республики, Чили, Италии (всего нескольких десятков стран!).

Еще одной положительной стороной данной Концепции является обращение автора к проблеме злоупотребления алкогольными напитками и алкоголизма населения. Выдвинутое автором предложение о принятии федерального закона «О винодельческом виноградарстве, производстве и обороте винодельческой продукции» становится тем более актуальным, если обратиться к статистическим данным, подтверждающим факты смертности в России по причинам, связанным с алкогольной зависимостью. Несомненно, столь широкомасштабную проблему невозможно решить без специальных правовых механизмов, развивающих отечественное виноделие.

Автор учитывает не только современный зарубежный опыт ряда государств, но и ряд исторических документов в обсуждаемой сфере (Закон Российской Империи о виноградном вине от 24 апреля 1914 г. и др.). В историческом разрезе он обращается не только к дореволюционному периоду, но и к советской эпохе, когда и стала наблюдаться тенденция падения престижа нашей страны на мировом рынке вина.

Очень важной составляющей научного издания является введение в юридический оборот авторских существенно уточненных определений основополагающих понятий предметной области регулирования обсуждаемого проекта федерального закона, которые несут ясное и однозначно определенное понимание смысла.

В.А. Берзин в блоках, посвященных обоснованию необходимости принятия указанного законопроекта, использует значительный объем юридической аргументации. Впечатляют уровень и качество привлекаемой автором информации научно-

технического, узкоспециализированного характера в области виноделия и связанных с этим знаний в различных отраслях сельского хозяйства. Автор совершенно справедливо, взвесив все обстоятельства, приходит к выводу о необходимости повышения требований к качеству и составу винодельческой продукции, а такое возможно только при наличии профильного федерального законодательного акта, регулирующего отношения в данной области. Отсутствие такого федерального закона является одной из причин массовых нарушений в обсуждаемой области. Помимо национальных законодательств зарубежных стран, автором сделана опора на директивы и регламенты Европейского Союза, иные международные документы, регулирующие отношения в сфере винодельческого производства, на рекомендации Международной организации винограда и вина, постоянным членом которой является Российская Федерация, привлечены документы Всемирной организации здравоохранения и др. Предварительно осуществленный анализ обширного круга документов позволил автору достаточно серьезно и взвешенно подойти к подготовке Концепции проекта федерального закона «О винодельческом виноградарстве, производстве и обороте винодельческой продукции».

Особый интерес вызывают предлагаемые автором формы поддержки государством отечественной винодельческой индустрии и отечественного рынка винодельческой продукции.

Представленная концепция еще более актуализируется и получает дополнительное звучание в условиях обсуждения создания и развития в ряде российских регионов туристических кластеров, в том числе ориентированных на так называемый «сельскохозяйственный туризм», создаваемых в целях повышения конкурентоспособности на рынке услуг, повышения эффективности работы предприятий, стимулирования инноваций и развития новых направлений, обеспечения социально-экономического развития регионов.

Относительно создания такой формы развития иностранного (въездного) и внутреннего туризма многие субъекты России уже высказывали свое положительное отношение. Так, еще в 2007 году Челябинская область и Республика Башкортостан приняли решение развивать совместные отношения в данной сфере под общим брендом¹⁴⁴. О своем намерении создать 8 туристических кластеров сообщил в 2009 году заместитель министра по физической культуре, спорту и туризму Свердловской области¹⁴⁵. В феврале 2010 года

---

¹⁴⁴ Челябинская область и Башкортостан создадут туристический кластер // <<http://www.votpusk.ru/news.asp?msg=170957>>. – 06.12.2007.

¹⁴⁵ Свердловская область намерена создать 8 туристических кластеров // <http://www.utravel.ru/events/_aview_b396134cat6303>. – 14.03.2009.

состоялось обсуждение проекта по образованию туристического кластера на Сахалине¹⁴⁶.

И если для указанных регионов виноделие не является первостепенным фактором развития туризма, то для республик Северного Кавказа это может послужить самой настоящей «палочкой-выручалочкой». Уникальные природно-климатические условия выращивания винограда, имеющиеся давние традиции виноградарства могут стать основой для существенного рывка в социальном развитии этих регионов, сокращении безработицы и бедности в них, поскольку сельскохозяйственный туризм становится все более востребованным среди туристов, прежде всего западноевропейских. Качественное гастрономическое обеспечение (немыслимое без хороших вин – в традициях европейцев) туристических маршрутов столь же важно, как и обеспечение транспортно-дорожной инфраструктурой и гостиничными мощностями.

Неслучайно в конце марта текущего года Президент России Д.А. Медведев на встрече с полпредом президента в Северо-Кавказском федеральном округе А. Хлопониным обсудил проект создания туристического кластера в этом регионе, отметив, что реализация этого проекта позволит создать новые рабочие места и новые курортные структуры¹⁴⁷.

Таким образом, решение проблем по развитию отрасли, включающей винодельческое виноградарство, повлечет за собой позитивные социально-экономические последствия в ряде других отраслей хозяйствования. Создание туристических кластеров в ряде южных субъектов Российской Федерации, в свою очередь, даст дополнительный импульс развитию виноделия. Принятие федерального закона «О винодельческом виноградарстве, производстве и обороте винодельческой продукции» будет способствовать решению широкого круга правовых, экономических, социальных и культурных проблем.

И вспомним кавказскую поговорку о том, что там, где выращивают виноград, обычно не стреляют...

Следует отметить и безупречность работы с юридико-технической точки зрения, соблюдения правил и требований законодательной и, шире, нормотворческой техники.

¹⁴⁶ На Сахалине создадут туристический кластер // <<http://www.votpusk.ru/news.asp?msg=313831>>. – 04.02.2010.

¹⁴⁷ Туристический кластер на Северном Кавказе обойдется в 450 млрд. рублей // <<http://rus.ruvr.ru/2010/03/26/5687228.html>>. – 26.03.2010.

Структура представленной В.А. Берзиным концепции проектируемого федерального закона вполне соответствует Основным требованиям к концепции и разработке проектов федеральных законов, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 02.08.2001 № 576 (с последующими изменениями).

Полагаем, что рецензируемое издание вызовет значительный интерес не только у специалистов различных отраслей права и специалистов в области производства винодельческой продукции, но и у более широкого круга читателей.

* * *

Сведения об авторах номера

Авимская Ольга Вадимовна – соискатель кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Российского университета дружбы народов, ведущий юрист-аналитик компании «КонсультантПлюс». Конт. адрес эл. почты: aov-411usr@ya.ru.

Атабиева Абидат Адрахмановна – заместитель юридического отдела Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы по КБР, аспирант кафедры государственного строительства и права Российской академии при президенте Российской Федерации. Конт. адрес эл. почты: iljas1970@yandex.ru.

Гребнев Леонид Сергеевич – доктор экономических наук, заведующий кафедрой Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина. Конт. адрес эл. почты: i@lenta.ru.

Ежов Денис Сергеевич – аспирант Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации. Конт. адрес эл. почты: denis_ezhov@mail.ru.

Кузнецов Михаил Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Конт. адрес эл. почты: f5s1@yandex.ru.

Марчук Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Российского университета дружбы народов. Конт. адрес эл. почты: marchuk1949@mail.ru.

Наринян Левон Мартикович – аспирант кафедры финансового права Российской академии правосудия, помощник судьи Арбитражного суда Московской области. Конт. адрес эл. почты: lemex@rambler.ru.

Понкин Игорь Владиславович – доктор юридических наук, член Общественного совета при МВД России, заместитель председателя Комиссии по проблемам безопасности, защиты прав ребенка и других участников образовательного процесса Общественной палаты по образованию в городе Москве, директор Института государственно-конфессиональных отношений и права. Конт. адрес эл. почты: i@lenta.ru.

Федоровская Мария Юрьевна – аспирант кафедры государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Конт. адрес эл. почты: fedorovskaja@bk.ru.

Хашем Татьяна Анатольевна – старший преподаватель и соискатель кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Российского университета дружбы народов. Конт. адрес эл. почты: f111l@mail.ru.

*Нравственные
императивы в праве*

**2010
№ 2 (8)**

Научный юридический журнал

Подписано в печать **02.04.2010**.
Формат 60x90/16
Гарнитура «Arial». Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л.   .

Тираж 250 экз. Заказ №
Отпечатано в ООО «Ваш полиграфический партнер»
г. Москва, Ильменский проезд, д. 1